

Анна Семендяк

Закулисная драма

12+

Анна Юрьевна Семендяк

Закулисная драма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63096682

SelfPub; 2020

Аннотация

Театр, сцена, актеры, роли, Шекспир... При чём здесь частный детектив Фокс, который расследует убийства и загадочные преступления вместе со своим племянником и, по совместительству, помощником, Джонни? Ответ на этот вопрос – на страницах книги. Вместе с героями Вы узнаете, какие секреты и страшные тайны могут скрываться за театральными кулисами. Примечания автора: это первый роман о приключениях детектива Фокса и его неунывающего племянника/помощника/юмориста Джонни Траста. Если Вам будет интересно – с радостью опубликую продолжение.

Анна Семендяк

Закулисная драма

Глава 1

Утро субботы выдалось пасмурным. Несмотря на то, что рассвет наступил более часу назад, небо было затянуто тучами и сквозь плотную завесу не пробивался ни единый солнечный луч. Джонни сонно зевнул и машинально отправил в рот кусочек пирога. Он рассеянно следил за тем, как по стеклу бежали струйки дождевых капель и пытался левой рукой нашарить на столе стопку утренних газет. Когда же рука наконец наткнулась на искомое, он удовлетворенно зевнул, взял верхнюю и опустил взгляд на передовицу. Вернее, на то, что от нее осталось. Джонни, конечно, был не то что бы в своей лучшей форме и бодром расположении духа, но даже в своем сонном состоянии понял, что с газетой явно что-то произошло. Ибо несчастному бумажному изделию чья-то жестокая рука сделала липосакцию, повырезав почти из каждой страницы по лоскутку. Около минуты Джонни понадобилось, чтобы сложить два плюс два (в итоге у него почему-то получилось 5 целых и три десятых с поправкой на ветер, но это уже нюансы) и сообразить, что газета сама себе харакири не сделает, а потому виновника преступления следует искать среди особей с руками и способностью держать

в этих руках ножницы. А так как в доме помимо Джонни жил лишь один человек (не считая приходящей и уходящей уборщицы), то все нити вели лишь в одном направлении.

– Фокс, – пробормотал себе под нос Джонни, медленно сворачивая газету в трубочку. Его обуял праведный гнев и жажда мести за ни в чем не повинную газетку, а потому, допив оставшийся на дне чашки кофе и захватив скрученную в трубочку жертву преступления, Джонни встал из-за стола и отправился вершить правосудие. Голубоглазый блондин, роста выше среднего и атлетического телосложения, сейчас, поднимаясь по ступенькам и стараясь как можно громче при этом топтать, он являл собой миниатюру "Аполлон в гневе". Распахнув дверь в комнату своего дяди и по совместительству патрона, наш карающий олимпиец провозгласил:

– Я требую объяснений!

Фокс, сидящий по-турецки на полу в центре комнаты повернул голову в сторону двери. На нем был домашний синий халат, накинутый поверх пижамы, но выглядел он бодро и весьма жизнерадостно, его черные усы, слегка покрученные кверху, выдавали улыбку, которую он тщетно пытался скрыть. На лицо были явные улики свершенного преступления – ковер на полу был усеян вырезками из газет, которые описывали своеобразный круг около Фокса. Сделав вид, что не расслышал племянника, он спросил:

– Ты почему все еще дома? Я же просил тебя выехать пораньше.

– Сейчас только начало восьмого, а репетиция начнется не раньше девяти. И вообще, я для начала хотел все же ознакомиться с обстоятельствами дела, прежде чем ехать с распросами на место преступления.

– Так в чем же проблема? – Фокс вопросительно вскинул левую бровь.

– В этом! – Джонни помахал газетой перед Фоксом. – Вы тут решили на досуге организовать кружок фигурной резки по бумаге?

– А, ты про газеты... – проговорил Фокс, будто только сейчас поняв, чего от него хочет племянник. Но улыбка на его хитрящей физиономии выдавала сыщика с головой. Он встал на ноги, слегка разминая при этом затекшие конечности. Стоя в полный рост, Фокс был почти на голову выше Джонни, при том, что в последнем было не меньше 180 см. Повертев головой из стороны в сторону и сделав пару наклонов вперед-назад, Фокс с удовольствием выдохнул. Худощавый, смуглый, черноволосый, он был бы полной противоположностью Джонни, если бы не глаза, ярко голубые, как и у племянника, унаследованные последним от матери. – Прости, мне нужна была кое-какая информация.

– Но зачем же было кромсать газету?

– Мне нужна была полная картина, потому я нуждался во всех статьях, что хоть как-то касались этого дела.

– Что ж, раз уж у меня теперь нет никакой возможности ознакомиться с информацией, может быть вы меня немного

просветите? И да, почему мы снова полиции помогаем, скажите на милость? Они там сами уже ни на что не способны? – Джонни все еще был зол на Фокса за испорченное утро, которое и без того было не самым радужным.

Последние пару вопросов Фокс благополучно проигнорировал и решил сразу перейти к обстоятельствам дела:

– Располагайся и слушай, – Фокс указал рукой на кресло, а сам сел на предварительно застеленную кровать. Что-что, а чистоплотность была у Фокса в крови, – убийство произошло...

– Погодите минутку, – перебил его Джонни. – Я сбегая за органайзером...

– Даже не думай об этом! – воскликнул Фокс, – Дался тебе этот твой организер, на новомодные штуковины нет времени. Возьми на тумбочке блокнот и ручку и записывай за мной все детали. Хоть раз поработаешь по-старинке.

– Неандерталец, – пробурчал себе под нос Джонни, настолько тихо, что Фокс смог сделать вид, что не услышал слов племянничка. Тем не менее, Джонни послушно поплелся к тумбочке и, взяв необходимые письменные принадлежности, поудобнее устроился в кресле и приготовился слушать.

– Итак, – начал Фокс, сложив скрещенные пальцы рук на груди. – Это произошло позавчера, в четверг, 17 сентября, около 11 часов вечера. Сторож театра совершал свой обычный обход. Начинает он обход всегда с подсобных помеще-

ний, а именно с актерских гримерных. Именно там иногда можно обнаружить лежащее среди костюмов тело, не подающее признаков жизни.

Джонни вопросительно поднял брови и взглянул на Фокса.

– Не мертвое тело, конечно, – пояснил он, – а до смерти упившееся. Среди людей творческих увы, иногда распространен данный, кхм, недуг. Так вот, тем поздним вечером сторож уже благополучно обошел все актерские гримерки и, к счастью, ни одного артиста в подпитии не обнаружил. Все к тому времени успели разойтись по домам. Здание театра закрывается около девяти, последний выходящий оставляет ключи на вахте, предварительно указывая время ухода и ставя свою подпись. Что, конечно же, нам только на руку.

– Уходящий оставляет там свой ключ от гримерной?

– Не только от гримерных, но и от костюмерных, а так же, самое главное – от сцены. Именно ключ от сцены представляет наибольшую ценность, так как он у них – один.

– Неужели они там у себя в театре никогда не слышали слова "дубликат"? – проворчал Джонни.

– В том то и дело, что ранее у всех имелась копия ключа от основного зала, но, как я уже говорил, люди творческие склонны иногда не контролировать своих действий и во хмелю пускать на сцену кого ни попадя и творить не совсем приличные дела. Потому, во избежание повторения подобных случаев, все дубликаты были у труппы отобраны и ути-

лизированы, а ключ от сцены остался в одном единственном экземпляре.

– Могу поспорить, что у сторожа, на всякий пожарный, дубликат ключа все же имеется.

– Конечно имеется, но вряд ли кому-то из труппы это известно. Так вот, о чем это я?.. Ах да, сторож обошел все гримерные, костюмерные, буфет, коридор и лестничные клетки и, не обнаружив там признаков жизни, двинулся наконец к дверям, ведущим в зал.

– Он прошел через центральную дверь? – спросил Джонни, делая пометки в блокноте. Он настолько свyksя с организатором, что листок с пометками сейчас являл собою хаотичный набор разных слов и словосочетаний, и Джонни искренне надеялся, что ему удастся разобрать свои китайские иероглифы впоследствии.

– Да. Я понимаю, к чему ты спрашиваешь. Конечно, на сцену есть также два закулисных выхода, они расположены с двух сторон и ведут в коридоры с гримерными и костюмерными. Но ключи от этих дверей находятся на той же связке, что и ключ от центрального входа, потому сторожу не было необходимости проверять какую-либо из этих дверей.

– Ага, значит, не известно, были ли эти двери закрыты?

– Сторож утверждает, что были. – Фокс недовольно насупил черные брови и подкрутил усы, что выдавало его нетерпение. – Может быть, ты перестанешь меня перебивать и дашь мне наконец перейти к сути дела?

– Конечно, босс, – примирительно ответил Джонни, но по нему было видно, что задавать вопросы он все равно не перестанет.

– Сторож открыл центральные двери своим ключом, но, еще не войдя в зал, очень удивился тому, что на сцене горел свет. В такое время в здании обычно стоит кромешная тьма, а обход сторож совершает с фонариком, зажигая лампы лишь в случае крайней необходимости. Так вот, его немало удивила полоска света, выбивающаяся из-под двери. Сторож решил, что кто-то из актеров просто забыл выключить один из прожекторов. Но, открыв дверь, понял, что ошибся. Сцена была освещена не прожекторами, а расставленными полукругом горящими свечами. Свечи окружали ложе посреди сцены, а на ложе лежал человек. Сторож решил, что это чья-то не слишком удачная шутка, и с порога прокричал лежащему, чтобы он немедленно убрался со сцены. Так как никакой реакции не последовало, сторож направился напрямик к лежащему, но, уже на полпути понял, что здесь что-то не так. Лежащий не шевелился и не подавал признаков жизни, а, приблизившись еще немного, сторож различил на его одежде пятна крови. Ускорив шаги, мужчина подбежал к телу и замер от страха – на ложе лежал мертвый человек, в глазах его застыло выражение ужаса. Все его одеяние было изрезано и заляпано кровью. Одет он, кстати говоря, был в сценический костюм – на нем были камзол, плащ и даже сапоги со шляпой.

– Жертвоприношение театральному божеству? – попытался сострить Джонни. Взгляд Фокса красноречиво показал, что попытка не увенчалась успехом, потому юноша поспешил исправить положение: – Что показало вскрытие?

– Смерть наступила от раны в сердце, хотя убийца предварительно нанес жертве 4 удара в живот и в грудь. Удар в сердце был завершающим.

– А время смерти?

– Между девятью и десятью часами.

– Что сделал сторож после обнаружения тела?

– Он сразу же выбежал из зала и вызвал полицию. Затем вернулся, предварительно включив освещение и потушив все свечи.

– Зря, там ведь могли быть отпечатки.

– Не думаю, что он думал об этом в тот момент, к тому же вряд ли убийца настолько глуп.

– Он проверил двери, выходящие со сцены в коридоры с гримерными?

– Зажигая свет на сцене, сторож заходил за кулисы. Он уверен, что обе двери были заперты.

– Что насчет личности погибшего?

– Сейчас, – Фокс встал и подошел к разбросанной на полу кучке газетных вырезок, наклонился и безошибочно выудил нужную. Джонни прикинул, что у него самого на поиски маленького клочка бумаги в кипе других, хаотично разбросанных бумажек, ушла бы целая вечность, из чего сделал

вывод, что Фокс все же разложил сведения в определенном, Фокс его знает каком, порядке. Подойдя к племяннику, он протянул ему небольшую записку. В правом углу размещалась черно-белая фотография мужчины средних лет, слегка лысеющего и склонного к полноте, но все еще достаточно привлекательного, с густыми усами и белозубой улыбкой. Вверху значилось: "Погасшая звезда театра "Голден Гейт". Записка гласила: «Энтони Бут, более известный под сценическим псевдонимом Тони Брут, был талантливым актером театра и кино, хорошим товарищем и любящим мужем. Все актерское сообщество опечалено этой кончиной, ибо смерть забрала несчастного как раз в тот момент, когда ему предстояло сыграть в одной из величайших театральных постановок всех времен. Увы, нам с вами больше не суждено увидеть блестящую игру Тони Брута, но мы хотели бы вспомнить наиболее известные его роли, среди которых роли в "Тартюфе", "Севильском цирюльнике" и "Женитьбе Фигаро"». Дочитав, Джонни вернул записку Фоксу, пометив у себя в блокноте "Тони Брут, биография, узнать!".

– Есть еще какие-то сведения, необходимые мне перед тем, как я отправлюсь? – Джонни взглянул на настенные часы, стрелка которых как раз недавно преодолела отметку в 8 часов. Ему следовало поторопиться, чтобы успеть привести себя в порядок и вовремя приехать к зданию театра, до того, как начнется репетиция.

– Нет, все необходимое ты уже знаешь, к тому же, мне

и самому известно немногим больше. Полиция пока что не предоставила мне отчеты о допросе свидетелей, хотя, это всего лишь вопрос времени. Тем не менее, допросы полиции – это одно, а мне нужны твои глаза и уши.

– Моя задача – допросить всю трупку?

– Пока ограничимся сторожем, режиссером и семьей погибшего. К трупе перейдем уже после того, как я получу доступ к полицейским отчетам.

– Инспектор Гоффри все еще злиться на меня за тот случай в собачьем приюте?

– Думаю, он вспоминает о тебе всякий раз, когда садиться на стул. Ах да, вот еще. Когда покончишь с родственниками погибшего, возвращайся в театр, думаю, к тому времени они как раз сделают перерыв. Мне нужно, чтобы ты внимательно осмотрел помещение театра. Вдоль и поперек. Особенно тщательно осмотри сцену и зрительский зал

– Я ищу что-то конкретное?

– Сам не знаю... – Фокс задумчиво намотал краешек усов на указательный палец. – Просто вдруг здание сможет нам хоть что-нибудь поведать?

Глава 2

Наспех одевшись, Джонни поспешил выбраться из дома, пока Фоксу не пришло в голову спуститься на кухню и посмотреть, не приготовил ли племянник чего-нибудь вкусенького на завтрак. Джонни, увы, не только не приготовил, но и весьма ощутимо опустошил холодильник, а именно до

состояния "Мышь в холодильнике повесится не смогла, так как с голодухи уже схрумкала свой хвост". А попасть под руку голодного Фокса – перспектива не из приятных. Потому Джонни бодро шагал вниз по Ломбард-стрит. Дождь, к счастью, прекратился, но небо над Сан-Франциско было все так же затянуто тучами. Добравшись до стоянки, Джонни не стал терять времени даром и сразу же сел за руль дядиного кадиллака. Черный автомобиль только вчера побывал в автосервисе и на мойке, потому покрытие аж сверкало чистотой. Юноша завел мотор и мысленно попросил доброго дядюшку на небесах немного повременить с дождем, иначе Фокс сделает из него котлету, а Джонни отнюдь не улыбалась перспектива быть принесенным в жертву в наказание за заляпанный бампер.

Здание театра Голден Гейт располагалось на углу Голден Гейт-авеню и Тейлор-стрит, в 15 минутах езды от Ломбард-стрит, но, как назло, сегодня в Кафедральном соборе Грейс была свадьба, потому угол Калифорнии- и Джонс-стрит был перекрыт, и Джонни был вынужден ехать в объезд по Ливенворт-стрит. Но настроение ему испортила не необходимость объезда, а факт расположения театра на Голден Гейт-авеню. Да и само названия театра Голден Гейт вызвало у Джонни не самые приятные ассоциации с другим делом, которое им с Фоксом не так давно довелось расследовать.

– Золотой меня преследует, – пробормотал себе под нос Джонни. – Не удивлюсь, если я в прошлой жизни был про-

клят самим Румпельштильсхеном.

Обуреваемый невеселыми думами, Джонни припарковал автомобиль на стоянке напротив здания театра. Это было семиэтажное угловое здание, и театр занимал пространство нижних этажей. Верхушку здания увенчивал шпиль, а само оно было выкрашено в золотисто-бежевый цвет. Джонни скривился и недовольно фыркнул, но все же заставил себя выйти из машины и направится ко входу в театр. Над дверью помещалось табло с афишей предстоящего спектакля. На черном фоне алыми буквами сверкала надпись «"Макбет". Премьера. Ждём вас завтра в 19-00». Джонни взглянул на свои наручные часы: было без четверти девять, он добрался даже раньше, чем планировал. Подойдя ко входу в театр, Джонни потянул на себя дверь и спокойно вошел внутрь. Помещение не было опечатано, что было весьма странным, ибо преступление произошло всего несколько дней назад, но, видимо, режиссер настоял на этом ввиду скорой премьеры спектакля. Справа от входа в огороженной кабинке сидел сторож, увидев Джонни, он было поднялся и направился к нему, но юноша пальцем постучал по циферблату часов и наугад ткнул пальцем на открытую дверь впереди, из чего сторож, видимо, сделал вывод, что Джонни опаздывает на репетицию, потому сел обратно на стул и вернулся к чтению газеты. Юноша, решив, что допросит сторожа после, направился напрямиком к открытой двери. Несложно было догадаться, что дверь эта ведет в основной театральный зал. Войдя внутрь,

Джонни на мгновение замер. Он отродясь не бывал в театре, а если и бывал, то в далеком детстве и уж точно не по своей воле, но увиденное даже у него вызвало благоговейный трепет. Он оказался в большом, просторном зале с высоким, многоярусным потолком. Стены были выполнены в золотистых тонах, тут и там виднелась искусная лепка, украшавшая не только стены, но так же колонны и потолок. Первым делом Джонни обратил внимание на сцену – она была прямо напротив двери. Высокий деревянный помост, по бокам ступени. Сложно представить, что через несколько дней это место будет способно перенести зрителя в совершенно иной мир, стоит только подняться занавесу. Сейчас тяжелый, темно-бардовый бархат занавеса был поднят, на сцене велись работы по установке декораций. Сцену полицейские так же не опечатали. "Ох уж эти фараоны, ничего толком не могут сделать. Это же место преступления, как никак!" – про себя возмутился Джонни, продолжая осматриваться. Прямо перед сценой размещались ряды бардовых удобных кресел, такие же кресла ярусами уходили вверх, верхние ряды практически достигали потолка. Джонни даже не мог себе представить, сколько зрителей помещается во время аншлага. Сейчас зал был освещен, но Джонни без труда представил себе сцену, освещенную лишь светом свечей и ужас, испытанный сторожем в ночь убийства.

Сейчас же какой-то мужчина давал указания рабочим сцены. Джонни уверенно направился к ним. Приблизившись к

сцене, ему удалось повнимательнее рассмотреть режиссера (а в том, что это был именно он сомневаться не приходилось). Это был высокий привлекательный мужчина, лет 45, но стройный и подтянутый. Его густые черные волосы локонами падали на плечи, седина коснулась лишь висков, слегка посеребрив их. Одет он был в джинсы и простую белую рубашку с закатанными рукавами, которая резко оттеняла его смуглую кожу. В его манере держаться, во всех его движениях сквозили уверенность и авторитет, было видно, что человек этот привык руководить другими. Когда Джонни подошел совсем близко, мужчина наконец заметил его. Движением руки он отпустил работников и резко повернулся к Джонни:

– Утро доброе, я могу вам чем-нибудь помочь? – говорил он с легким акцентом, не то итальянским, не то испанским, Джонни затруднялся сказать наверняка.

– Здравствуйте, – Джонни поднялся на сцену и протянул руку для рукопожатия, – Меня зовут Джонни Траст, я работаю на мистера Фокса, он частный детектив.

– Увы, не слыхал, впрочем, я догадывался, что за дело возьмется не только полиция – режиссер пожал протянутую руку, и Джонни отметил, что хватка у него была железная. – Луис Ортега, режиссер-постановщик.

"Ага, значит, все же испанец", – подумал Джонни, еще раз оглядев Луиса Ортега с головы до ног. В целом он производил положительное впечатление, но во всем его облике скво-

зила уверенность и сила. Режиссер, в свою очередь, смотрел на Джонни оценивающе, отчего у последнего возникло ощущение, будто режиссер мысленно прикидывал, какая роль бы ему подошла. Как будто в ответ на его мысли, Луис Ортега засмеялся и заметил:

– Вы уж извините, что я так пристально вас изучаю. Просто у вас такая яркая внешность, а у меня профессиональная привычка при знакомстве с человеком с первых же минут воображать его в определенном амплуа.

– И в каком же амплуа вы видите меня?

– Ланселот, Тристан, Айвенго, возможно даже сам Ричард Львиное Сердце. Одним словом – рыцарь. В сияющих доспехах, конечно же, – Луис Ортега вновь рассмеялся, обнажив ряд ровных белых зубов. Его улыбка и смех обезоруживали, хоть и не слишком вязались с образом властного командира. – У вас очень открытое лицо, вызывающее доверие, а развитое телосложение и высокий рост как раз подошли бы средневековому рыцарю. Вам бы лишь надеть кольчугу – и вуаля, можно сразу на сцену.

– А в школе я играл лишь Винни-Пуха, – ответил Джонни, – эх, проглядели учителя скрытый во мне потенциал. – Решив, что беседа слегка затянулась, Джонни перешел к делу: – Мистер Ортега, я здесь по поручению моего патрона, мы расследуем убийство.

– Да, бедняга Тони, для нас всех это невосполнимая утрата. Он был очень талантливым актером. Я вправду хотел бы

помочь расследованию, но боюсь, что я бессилён. Всё, что мне известно, я уже рассказал полиции.

– Мы уже ознакомились с полицейскими отчётами, – соврал Джонни. – Но меня не интересует, где вы были и что делали в момент убийства. Я здесь для того, чтобы узнать от вас о личности убитого.

Джонни понадеялся, что полицейских интересовали лишь данные, непосредственно касающиеся событий, происшедших в день убийства. К счастью, его надежды оправдались, и Луис Ортега охотно согласился ответить на все вопросы, если это поможет следствию.

– В каких отношения вы были с убитым? – задал Джонни первый вопрос. Он достал блокнот и ручку, решив сегодня в угоду Фоксу так попользоваться допотопными подручными средствами.

– Конечно же в хороших, я со всеми членами труппы нахожусь в дружеских отношениях, у нас замечательный коллектив!

– Расскажите мне о нём. Давно он в труппе? Кто из актёров был с ним близок? Возникали ли конфликты?

– Что ж, – Луис Ортега задумчиво потер подбородок. – О Тони я могу сказать только хорошее. И "De mortuis aut bene aut nihil" здесь ни при чём. Прошу прощения, это латынь...

– О мертвых либо хорошо, либо ничего. Не извиняйтесь, я вас понял, продолжайте.

– Так вот, Тони был удивительно добрым и компанейским

человеком, он с кем угодно мог найти общий язык. Не представляю даже, кто мог желать его смерти.

– Это-то мы и пытаемся выяснить. Но все же, расскажите о его отношениях с коллегами.

– Тони был одним из старожиллов труппы, он с нами почти со времен ее основания. Я обратил на него внимание еще в театральной академии, я тогда сам был очень молод, преподавал на кафедре и даже не помышлял о создании собственной труппы. Тони и помог мне создать нашу труппу, без него у меня ничего бы не вышло. Он всегда приходил на помощь младшему поколению, давал уроки актерского мастерства. Насчет его отношений с остальными – могу сказать наверняка, что врагов у него не было. У него был настоящий дар – со всеми находить общий язык. В спорах всегда соблюдал нейтралитет, часто его даже просили выступить посредником. В таких случаях он старался внимательно выслушать обе стороны и справедливо рассудить. Он всегда выступал в роли миротворца, сам конфликтов избегал.

– А с кем он общался наиболее тесно?

– Да со всеми одинаково. Хотя... – он на секунду запнулся. – За последние пару месяцев он очень сблизился с Джеймсом. Хоть он в труппе не так давно, но это наша восходящая звезда. Да, вам следует поговорить с ним, поскольку, несмотря на недолгое время знакомства, они успели стать лучшими друзьями. Разве что недавно... – режиссер замолчал.

– Продолжайте, – Джонни увидел, что он колеблется.

– Да нет... Пустое...

– Обычно то, что на первый взгляд кажется незначительным, и является ключом к истине.

– Понимаете, вот буквально недавно, между ними будто черная кошка пробежала. За последнюю неделю я почти не видел их вместе. Общались они только на сцене. Но я не думаю, чтобы это было настоящей ссорой. Скорее так, временные разногласия.

– Вы не знаете, что послужило причиной?

– Наверняка – нет, но догадываюсь.

– И что же?

– Не что, а кто. *Cherchez la femme*, прошу прощения, ищите женщину, как метко сказали французы.

– И кто эта Елена Троянская?

– Бьянка Руссо. Наше сокровище. Потрясающе талантливая актриса.

– Вы говорите обо всех актерах с такой теплотой...

– А в театре по-другому нельзя. Все мы – одна большая и невероятно дружная семья... – не успел он закончить предложения, как раздался женский крик:

– Да ты просто идиот! Удивляюсь, на кой черт тебе голова? Одна извилина, да и та только, чтоб уши держались.

За разговором Джонни и Луис Ортега не заметили, как зал постепенно наполнился актерами. Сейчас все они стояли перед сценой. Крик раздался справа от сцены, там стоя-

ло двое молодых людей. Девушка повернулась спиной к парню и всем своим видом демонстрировала нежелание продолжать беседу.

– Видимо, я поторопился с выводами, – сказал режиссер, глядя в их сторону. В его тоне прозвучала грусть.

– Не смею вас больше задерживать, вы и так уделили мне слишком много времени. Благодарю за помощь, – Джонни протянул режиссеру руку.

– Надеюсь, что сведения принесут хоть какую-то пользу, – Луис Ортега ответил на рукопожатие. – Было приятно с вами познакомиться.

Джонни улыбнулся и направился к ступенькам, ведущим со сцены. Но режиссер окликнул его:

– Пойдите, я представляю вас труппе. Друзья, это частный детектив Джонни Траст, он расследует убийство бедняги Тони.

– Скорее помощник, – Джонни сделал шаг вперед, – я работаю на детектива Фокса.

Актеры зашептались, все с любопытством посматривали на Джонни. Ведь не каждый же день в театре расследуют убийство.

Когда шум стих, Джонни продолжил:

– Я не хочу мешать вам репетировать, тем более что мистер Ортега уже ответил на все мои вопросы, потому сейчас я никого опрашивать не буду. После окончания репетиции я поговорю с теми, с кем необходимо, и, если можно, я так же

хотел бы осмотреть зал, – произнес последние слова, Джонни мельком оглядел всех стоящих внизу актеров, остановив взгляд лишь на девушке, что назвала своего партнера идидотом. Заметив, что на нее смотрят, она не отвела взгляда, а наоборот, посмотрела Джонни прямо в глаза. На секунду Джонни забыл, где он находится, настолько завораживающими был этот взгляд. Из оцепенения его вывел голос режиссера:

– Мы все заинтересованы в том, чтобы найти убийцу Тони, потому я прошу всех вас оказывать мистеру Трасту помощь в расследовании, – он повернулся к Джонни: – Возвращайтесь к двум, мы в это время как раз делаем перерыв, так что вы сможете осмотреть все помещение. Я буду здесь и смогу помочь вам с поисками.

– Спасибо вам, – Джонни искренне улыбнулся, – вы облегчите мою задачу.

Юноша спустился со сцены и уже было направился к выходу, когда дорогу ему преградила та самая девушка. "Да что ж за напасть-то такая!" – мысленно выругался Джонни. Сам не зная почему, он внутренне напрягся. Рядом с этой девушкой он чувствовал необъяснимое смущение и робость. Она подошла вплотную. Джонни глубоко вздохнул и смело взглянул на нее. К его величайшему удивлению девушка оказалась вполне обычной. Теперь он и сам не мог сказать, чем же его так привлекла эта особа. Обыкновенная девушка, таких сотни на улицах Сан-Франциско. Невысокого роста, строй-

ная и миниатюрная брюнетка. Ничего особо примечательного. Одета просто, можно даже сказать небрежно: темная майка, поверх нее расстегнутая рубашка в клетку, на ногах – шорты и грубые ботинки. Встреть ее Джонни в любом другом месте – никогда бы не сказал, что она актриса. Лицо милостивое, но не более. Кучерявые волосы собраны в хвост на затылке, на лице ни грамма косметики. Джонни решил все же нарушить неловкое (для него, так точно), молчание:

– Вы, наверное, слышали, я Джонни Траст, расследую убийство.

– Мария Росс, очень приятно.

– Вы хотите мне что-то сообщить? – Джонни рискнул вновь взглянуть ей в глаза. И наконец понял, в чем же секрет ее притягательности. Взгляд. Она смотрела собеседнику прямо в глаза, не отрываясь, и глаза её были такими необычными, что напомнили Джонни два изумруда. "Боже, что за глупые мысли лезут мне в голову?!" – ему самому стало стыдно за подобное сравнение.

– Да. Я могу назвать вам имя убийцы, – нет, Джонни, конечно, готов был услышать что-то из ряда вон, но чтоб прям такое! Он на мгновение опешил.

– Что, простите?

– Вы не расслышали? Я хочу показать вам виновника преступления. Это сэкономит ваше время и избавит трупку от вашего присутствия на репетиции, – Джонни было подумал, что девушка шутит, но на лице ее не было и тени улыбки.

Видя, что он не воспринимает ее слова всерьез, она быстро заговорила: – Вы же должны понимать, что убийство в театре напрямую связано с самим театром, то есть с актерским коллективом. Тони убили, это ясно, и убил не кто-то посторонний, а человек из труппы. Нашей труппы. И этот мерзавец должен поплатиться. Тони был мне, как отец. Я знала его лучше, чем кто-либо из них, – она повернула голову в сторону сцены. Джонни на мгновение показалось, что он уловил в ее взгляде презрение. – И я не хочу, чтобы его убийца почивал на лаврах.

Джонни наконец удалось прервать поток её речи:

– Так вы обвиняете кого-то конкретного?

– Да. Взгляните туда, – не таясь, она указательным пальцем показала на мужчину. В этот момент он как раз что-то обсуждал с режиссером.

– Кто это?

– В том-то и дело, что вернее всего было бы ответить – никто. Его зовут Энди Дживс, он просто бездарность. Пустое место, пятый гриб в третьем ряду во втором составе. Ни таланта, ни способностей, мешок с деньгами. Он просто купил себе место в труппе, а Ортега обращается с ним, как с полноценным членом нашей семьи. Я говорила ему, чтобы он не брал его. Пыталась предупредить, что ничего хорошего из этого не получится. Но Луис не послушался. Никто из них не желает меня слушать!

– Погодите секунду, успокойтесь! – Джонни попытался

утихомирить Марию Росс, так как та распалилась не на шутку. Девушка прерывисто дышала, от злости она сжала кулаки, будто собиралась ринуться в бой. В глазах пылало настоящее пламя, не предвещающая ничего хорошего. Джонни не мог понять, то ли она так вошла в роль, и не может выйти, но с какой целью разыгрывается спектакль, ведь они не на сцене; то ли это ее обычная манера вести себя. Говорила она громко, и их беседа начинала привлекать внимание. Джонни взглянул в сторону Луиса Ортега, ожидая, что он отзовет от него мадам-фурию. Но режиссер по-прежнему продолжал говорить с Энди Дживсом и пока что не обращал на них внимания. Джонни понял, что придется справляться в одиночку, потому тяжело вздохнул и попытался хоть что-то извлечь из вышесказанного: – Если честно, я ничего не понимаю. Вы обвиняете этого человека в убийстве просто потому, что он, как я понял из ваших слов, плохой актер?!

Казалось, его вопрос показался ей наиглупейшим, из того, что она когда-либо слышала. Мария Руссо взглянула на Джонни так, как смотрят на очень несообразительного ребенка. Джонни совсем не понравился этот взгляд, в последний раз так на него смотрела только мать родная, да и то в глубоком детстве.

– Вы что, совсем меня не слушали? Я же сказала, что убийца – Энди Дживс! Что же здесь непонятного?

– У вас есть хоть какие-то доказательства его вины? Помимо отсутствия у него таланта.

– Ну конечно! Ведь смерть Тони открыла перед ним все двери. Теперь, у Ортега нет иного выхода, кроме как дать ему столь желанную роль.

– Погодите, – до Джонни наконец дошел смысл её слов. – Это получается, что Энди Дживс – как это у вас называется – замена погибшего?

– Да, он его дублер! – выпалила она. Её глаза засверкали еще ярче (Джонни не думал, что это возможно, но, видимо, ошибся). – Что же тут непонятного?! Спектакль – событие года, соберется столько зрителей, на премьере будут члены Академии искусств, это шанс для любого актера показать себя. А у Тони была главная роль. Сцена в покоях просто потрясающая! Это настоящая сенсация, такой накал страстей!!! Ярчайший образ. И Тони был просто великолепен, это была его роль!.. – она сделала глубокий вдох, эмоции переполняли ее. Потом медленно выдохнула: – А теперь на его месте будет это бревно на ножках, этот ноль без палочки – она вновь ткнула пальцем в Энди Дживса. В этот момент он как раз повернулся, и Джонни удалось его рассмотреть. Невысокий, приземистый мужчина, он принадлежал к тому типу людей, возраст которых на глаз определить было невозможно. Больше двадцати, но меньше пятидесяти, точнее сказать нельзя. Жиденькие светлые волосы, невыразительные черты лица, с виду человек этом так же походил на актера, как Джонни на куклу Барби. Хотя, возможно, и того меньше.

– Что ж, в чем-то вы правы, – неохотно согласился Джонни, – внешность у него не самая яркая. Но, возможно, вы относитесь к его актерской игре предвзято?

– Да какая уж там актерская игра?! Ею даже и не пахнет! Он постоянно переживает, рвет кулисы, да сопли на кулак наматывает.

– Что, простите?

– Да переигрывает он! Причем везде. А уж про сцену в спальне я вообще молчу. Кричит, как раненая свинья, а там стоит лишь с надрывом прохрипеть... Да, впрочем, это неважно. Главное – вы должны арестовать этого человека! – она вновь сжала кулаки. Видимо, этот жест намертво к ней пристал.

– Вы хотите, чтобы я арестовал человека просто за то, что он дублер погибшего?!

– Но это ведь он убил Тони! Больше просто некому. Кому нужно было убивать его? У Тони не было врагов, он был самым добрым и хорошим из всех, кого я знаю. Господи, за что мне это?! Почему ты забираешь всех, кого я люблю?! – видимо, за последние дни она слишком много пережила, и сейчас нервы ее просто-напросто не выдержали. Мария Руссо закрыла лицо руками и разрыдалась. Джонни неловким движением обнял её за плечи, она уткнулась носом ему в грудь.

Теперь вся труппа смотрела в их сторону. В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь всхлипами девушки. Наконец, их заметил и режиссер. Он удивленно воззрился на

Джонни и Марию и воскликнул:

– Бьянка, как это понимать?!

– Бьянка? – тихо переспросил Джонни.

– Сценический псевдоним, – так же тихо ответила Мария Руссо. Она отстранилась от Джонни, рукой вытерла слезы и, повернувшись к Луису Ортега, теперь уже громко ответила:

– Прости, Луис, я что-то разволновалась.

– Но из-за чего? – режиссер переводил взгляд с Марии на Джонни и обратно.

Джонни не дал Марии ответить:

– Молодая леди хотела узнать, как продвигается расследование убийства. А я немного задержал ее, чтобы задать несколько вопросов. К сожалению, я затронул болезненную тему, да и последние дни выдались для девушки слишком тяжелыми, как физически, так и морально. Но теперь всё в порядке, слёзы – лучшее лекарство от переживаний.

Мария с удивлением взглянула на Джонни, но тот взглядом дал ей знак молчать. К счастью, девушка не стала протестовать и просто кивнула. Это объяснение, видимо, вполне удовлетворило режиссера.

– Ну что ж, в таком случае, нам давно пора начинать репетицию. Уже десять, а мы должны прогнать пьесу от начала до конца хотя бы несколько раз.

Мария Руссо вопросительно взглянула на Джонни.

– Не волнуйтесь, я поговорю с Энди Дживсом во время перерыва, – тихо, чтобы услышала только она, ответил он.

Девушка кивнула и молча направилась к сцене. Джонни провожал её взглядом, силясь понять: можно ли верить её словам?

Глава 3

Выйдя из зала, Джонни двинулся напрямиком к сторожу. Тот не покидал своей застекленной каморки и все так же продолжал читать газету. "Уж не уснул ли он там, часом?", – подумал Джонни, в уме прикидывая, где бы раздобыть духовой оркестр, чтобы разбудить такую образину. Сторож был очень крупным, даже тучным мужчиной в годах, одетым в специальную черную форму, которая, увы, была ему слегка не по размеру. А сидячая работа, как известно, не способствует улучшению физической формы. Джонни подошел вплотную к стеклянной двери и, после минутного колебания, громко постучал. Как и следовало ожидать, это не возымело эффекта – Джонни был прав, разбудить сторожа оказалось задачей не из легких. Уже занеся кулак для повторной попытки, Джонни вдруг осенило: "Да ведь это мой шанс!". Оглядевшись по сторонам, он тихонько приоткрыл дверь и вошел. Помещение было тесным, сторож занимал собою все пространство. Чувствуя себя килькой, помещенной в одну банку с китом-касаткой, Джонни все же протиснулся к столу. Сторож спал богатырским сном, что буквально значило – что мне шум, что мне звон, вижу я десятый сон. Благо только не храпел, что было удивительно, учитывая его комплекцию. Тем не менее, Джонни действовал осторожно. На сте-

не справа была прибита доска, на ней в ряд висело несколько ключей с номерами на них, но они не говорили Джонни ровным счетом ничего. Потому, наклонившись над столом, он стал искать вахтенный журнал. Там было всё, что душа пожелает – от конфетных фантиков до недоеденного пончика – кроме искомого предмета. "Конечно, что же еще нужно растущему вширь организму? – задал Джонни себе риторический вопрос. – И почему пончики не могут давать показания? Они бы многое могли поведать". Раз на столе журнала не было, он должен был быть в одном из ящичков. Но тут возникло препятствие – ящички загораживало спящее тело. Джонни осторожно приподнял руку сторожа. Он даже не шевельнулся. Тогда медленно и осторожно, Джонни начал отодвигать стул (благо, тот был на колесиках) со сторожем в сторону. "Транспортировка тушки выполнена успешно", – поздравил себя Джонни и открыл верхний ящик стола. Наспех просмотрев бумаги, в основном старые театральные брошюры и концертные программки, Джонни перешел ко второму ящичку. Тут были платежки за коммунальные услуги, разные отчеты и чеки. Наконец, в третьем ящичке обнаружился внушительный блокнот в толстой обложке.

– Бинго! – Джонни произнес это вслух, но сторож даже ухом не повел.

Он пролистал вахтенный журнал и дошел до последних заполненных страниц. "Один день – одна страница, до чего же удобно. Такс, где тут у нас 17-е? Ага, вижу". Вверху нуж-

ной страницы корявым почерком было нацарапано: "№ ключа; Время взятия, ФИО, подпись; Время сдачи, ФИО, подпись". В первой графе значилось несколько ключей, но определить, который из них – основной, пока что не представлялось возможным. Джонни достал блокнот и по-быстрому скопировал все данные из журнала, на всякий пожарный записав так же данные за предыдущий и последующий дни. В день убийства последняя запись гласила: "21-10, Морган Дж".

"Морган Дж, – мысленно повторил Джонни, – уж не тот ли это Джеймс, о котором упоминал Луис Ортега?"

Вернув на место журнал, он уже думал транспортировать сторожа на прежнее место, но решил заглянуть в последний ящик. И не зря. Там оказалась внушительная связка ключей. Абсолютно идентичная связка висела на поясе у сторожа. "Славьтесь святые ёжики! У меня тут джекпот!". Джонни выудил запасную связку из ящика, но внезапно она выскользнула у него из рук и с грохотом упала на пол. От звона сторож аж подскочил, опрокинув свой стул. Джонни не стал терять времени даром: резким движением он захлопнул ящик и рванулся за ключами. Сторож быстро заморгал, прогоняя остатки сна. Джонни не дал ему опомниться и с ходу рывкнул:

- Это что за безобразие?! Что за сон на рабочем месте?!
- Я... Но... Не...
- Отставить разговорчики! Моим долгом было бы сооб-

щить о вашем поведении начальству...

Сторож умоляюще взглянул на Джонни:

– Сер, прошу вас, я не виноват, это все ночное дежурство, я работаю в две смены, мой напарник уволился, – быстро забормотал он, не давая Джонни продолжить свою обвинительную речь. – Пожалуйста, не сообщайте начальству, мне необходима эта работа, дома осталась сестра, я не могу лишиться места...

– Да погодите вы! – Джонни жестом остановил сторожа. – Успокойтесь, пожалуйста. Так уж и быть, я готов пойти вам на встречу и не сообщать наверх о вашем проступке. Но вы взамен спокойно и с расстановкой объясните мне причины вашей утренней спячки. Только прошу вас, давайте выйдем из этой тесной коморки.

Бокон протиснувшись мимо дрожащего, как осиновый лист, сторожа (в нашем случае он скорее напоминал трясущуюся железную горку), Джонни открыл дверь и жестом предложил сторожу выйти. Мужчина беспрекословно последовал за ним. Вдоль стены стояло несколько диванчиков и Джонни указал на один из них сторожу, сам же передвинул второй так, что они оказались друг напротив друга. Он достал блокнот и ручку, чем, видимо, еще больше испугал сторожа, и сразу перешел к делу:

– Ваше имя?

– Гарри Мидс, сер, я работаю в этом театре уже больше двух лет и уверяю вас, что...

– Прошу отвечать коротко и по существу.

Джонни сразу понял, что сторож принял его за инспектора охранных служб, что так не вовремя нагрязнул с проверкой, а потому продолжал мастерски исполнять свою роль. Благо, оделся он сегодня соответствующе – строгая рубашка в клетку, прямые черные штаны. Выглядел он вполне официально. Он для проформы сделал запись в блокноте.

– Итак, давно вы здесь работаете?

– Два года, восемь месяцев, сер.

– Как я понимаю, вы работаете не один?

– Нет, сер, со мной работает еще один сторож, Берти, вернее, я хочу сказать, Альберт Молл. Но он работает в ночные смены.

– Но, как я понял, он уволился? Как давно? И на каком основании?

– Сер, – Гарри Мидс беспокойно заёрзал на диванчике, – тут такое деликатное дело...

– В ваших же интересах рассказать мне все без утайки.

– Хорошо, – сторож сглотнул, – тут давече произошло преступление, – он наклонился поближе к Джонни и прошептал: – убийство!

– Неужели? – Джонни скептически поднял бровь.

– Это правда, сер. Одного из актеров зарезали прямо на сцене.

– Не в вашу смену, как я понимаю?

– Нет, это произошло ночью, потому работал Берти.

Он совершал обычный обход помещений и наткнулся на несчастного. Он лежал прямо на сцене, в круге горящих свечей... Господи помилуй, как представляю, какой ужас испытал бедняга Берти, – сторож перекрестился. – Неудивительно, что он сразу же уволился.

– Но мистер Мидс не имел права уходить тот час, согласно трудовому договору он обязан был отработать две недели. Я бы попросил вас сообщить мне его адрес.

Гарри Мидс задрожал:

– Прошу вас, сер, Берти не виноват! Не стоит предъявлять ему обвинений. Он был очень хорошим работником!

– И все же, я настаиваю.

Нехотя сторож продиктовал адрес, а Джонни черкнул в блокноте: "Дом 7, угол 4-й и Брайант-стрит". Желая хоть как-то загладить вину, Гарри Мидс поспешил добавить:

– Не вините Берти. Любой другой на его месте поступил бы так же. Вы представляете, каково ему ночью было бы возвращаться в помещение, где он нашел бездыханный труп. Мне и самому страшно было вчера ночью находится в здании театра. Признаюсь, я был вынужден зажечь весь свет на сцене и почти всю ночь просидел в зале с включенными лампами.

– Боже, ну и чего же вы боялись? Убийство ведь уже свершилось

– Так-то оно так, но ведь души покойных, умерших не своей смертью, обычно возвращаются туда, где их убили. А я

не хотел бы увидеть призрак бедного Энтони, – сторож весь задрожал.

– Вы знали погибшего?

– Я брат его жены. Это он устроил меня на работу.

Джонни лихорадочно пытался придумать, как ему выяснить адрес жены покойного. Пока что в голову ничего путевого не приходило. Джонни так и видел внутри своей головы тараканчика, в панике бегающего туда-сюда и кричащего: "Что делать? Что делать?". Но сторож, неправильно истолковав его молчание, поспешил добавить:

– Я всем обязан этой семье. Я по молодости натворил глупостей всяческих, а потом пришлось расхлебывать. Только вот не получилось, разгрести-то. В общем, около трех лет назад, оказался я на улице. Ни друзей, ни работы, ни крыши над головой. Последней моей надеждой была сестренка младшенькая, Салли. Я узнал, что она живет здесь, неподалеку, на 6-й улице. Там еще ресторанчик со смешным названием, "Маленькое кафе", – сторож нервно хихикнул, с опаской взглянул на Джонни, ища одобрения. Сглотнул и продолжил:

– Так вот, пришел я к ней под дом, да так стыдно мне стало, что не посмел я нажать на звонок, да так и остался сидеть на ступеньках перед входом. Никто не обращал на меня внимания, все просто обходили меня и шли мимо. И вот один мужчина остановился передо мной. Да не просто чтоб поглазеть любопытства ради, а с сочувствием. Спросил, каким

ветром меня сюда занесло. Ну я и Расскажи ему все, незнакомцу-то. А он возьми, да пригласи меня к себе. Мол приведу себя в порядок, поем. Я на радостях чуть не расплакался. А в квартире нас встретила, кто бы мог подумать, малышка Салли! А мужчина мужем её оказался, Энтони. Ну они и приютили меня на время, с работой вот помогли, а я как жилье собственное подыскал, сразу же от них съехал. Квартирка-то небольшая была. Сейчас, правда, подумываю вернуться, Салли ведь совсем одна осталась. Эх, как же она теперь будет-то? Детишек-то у них не было. Хороший мужик был Энтони, упокой, Господи, его душу! – сторож перекрестился и с опаской взглянул на Джонни, ожидая вердикта.

Внешне все такой же холодный и беспристрастный, внутри Джонни ликовал: сторож сам рассказал ему все необходимые сведения! Тараканчик в его голове весело отплясывал чечетку.

– Ну полно вам, не волнуйтесь. Я не зверь и потому могу войти в положение. На сей раз я прощаю ваш мелкий проступок. Но чтобы больше этого не повторялось! Я еще вернусь, потому будьте на чеку, – Джонни стал и степенно удалился. Гарри Мидс остался сидеть на диванчике, все еще не отойдя от пережитого волнения.

Выйдя на улицу, Джонни сразу же сел за руль и завел мотор, но внезапно перед ним возникла дилемма – куда поехать в первую очередь? Он взглянул на часы – была четверть двенадцатого, потому он мог спокойно успеть в оба места,

благо, и бывший сторож, и жена покойного жили неподалеку. Приняв решение, Джонни резко повернул направо и поехал вдоль 6-й улицы. Поездка выдалась недолгой. Небольшая кафешка, упомянутая сторожем, оказалась в двух шагах. Джонни припарковал автомобиль чуть дальше по улице и вернулся к нужному дому. Рядом с входом висело несколько табличек с именами жильцов. "Такс, что тут у нас? Уильям Лузер, не повезло бедняге с фамилией... Ага, вот и они, Э. и С. Бут". Он уверенно ткнул кнопку вызова. Звонок запищал, но ответа не последовало. Он попробовал еще раз, безрезультатно.

– Везенье кончилось, – пробурчал себе под нос Джонни и уныло поплелся назад к машине. Через пару минут он уже мчал по Маркет-стрит в сторону жилища Альберта Молла.

Дом 7 на углу 4-й и Брайант-стрит оказался серым пятиэтажным зданием, давно нуждавшемся в ремонте и покраске. На этот раз табличек с именами не было, потому возникла проблема. Но на то Джонни был Джонни, потому он в самом скором времени разузнал у выходящей из подъезда бабульки все (нужные и ненужные) сведения о жильцах дома. Он даже чуть было не соблазнился перспективой лицезреть "самую развратную девицу, какую свет видывал", но с этим решил повременить. "Как там? Делу время – а потеха и сама к тебе придет? Мда, надо бы подучить народную мудрость", – с такими мыслями Джонни поднимался на последний этаж по старым, местами выщербленным, ступенькам. С трудом най-

дя нужную дверь (номера, увы, на двери не оказалось, как, впрочем, и звонка), Джонни громко постучал. На стук вышел высокий, жилистый мужчина лет 60, седой и гладко выбритый. Придерживая дверь рукой, он настороженно оглядел Джонни. Тот поспешил представится:

– Мое имя – Джонни Траст, я помощник частного детектива Фокса, мы расследуем убийство Энтони Бута. Разрешите войти?

Бывший сторож извиняюще взглянул на Джонни:

– Не могли бы мы поговорить здесь? Понимаете, мое жилище – не лучшее место для переговоров, к тому же, я живу не один. Не хочу волновать жену и ребятишек.

Джонни оглядел лестничную клетку: "Что ж, это лучше, чем ничего".

– Хорошо, если вам так будет удобнее.

– Благодарю вас! – он затворил за собой дверь. – Я готов ответить на все ваши вопросы. Но поверьте, мне каждый раз тяжело вспоминать весь ужас той ночи.

Джонни достал свой, ставший уже привычным, блокнот:

– Я полагаю, полиция уже подробно расспросила вас о событиях той ночи. Скажите лишь, у вас имеется алиби на момент убийства?

– Да, я уже говорил сержанту! Полицейский сказал мне, что убийство произошло между девятью и десятью часами, правильно? – Джонни кивнул. – А я все это время сидел в аквариуме – это мы так свой пост называем.

"Тесноват этот аквариум для сторожа-касапки", – вспомнил Джонни свое недавнее посещение вахты. Тем не менее, сравнение с аквариумом было метким, охранник Альберт Молл неуловимо смахивал на угря.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Конечно! В тот вечер многие члены труппы задержались в театре, они видели меня, когда уходили домой.

– Вы не могли бы перечислить, кто именно задержался?

– Ну... – бывший сторож задумался, – навскидку всех я вам не назову, но двоих я запомнил.

– И кто же это?

– Ведущие актеры, Бьянка Руссо и Джеймс Морган.

– Они ушли одновременно?

– Не уверен, мне кажется, девушка ушла немного раньше.

Джонни даже глазом не повел, хотя эта информация весьма удивила его. Он лишь сделал пометку в блокноте.

– Хорошо, с алиби все чисто. Расскажите мне о том, как вы обнаружили тело.

Альберт Молл поежился, видимо, это зрелище продолжало преследовать его в кошмарах. Но, взяв себя в руки, он заговорил:

– Я начинаю ежедневный обход в 11. Первым делом проверяю гримерные и костюмерные, затем буфет и холл, в конце обхожу основной зал. Помещение большое, обход его занимает наибольшее количество времени, потому иду туда в последнюю очередь. Обычно в зале темно, но бывали случаи,

когда актеры забывали выключать освещение на сцене, потому меня вначале не очень удивила полоска света из-под двери. Но еще не открыв ее, я понял, что что-то не так, ведь свет был мерцающий и будто бы дрожащий. Я сразу же распахнул дверь...

– Прошу прощение, что перебиваю, хотелось уточнить один момент: ключ от зала есть только у вас?

– Нет, есть еще один, он для актерского состава.

– А ваш ключ существует в единственном экземпляре?

Бывший сторож на секунду замялся, но ответил честно: – Нет, есть еще один, он висит на связке моего напарника Гарри. Но почему это вас интересует?

Джонни проигнорировал вопрос: – А уходя, ваш напарник забирает свою связку с собой?

– Нет, ключи остаются в ящике стола в аквариуме, то есть, на вахте.

– Скажите, а мог кто-то из членов труппы взять эту связку из ящика?

– Сер, мы с напарником добросовестно выполняем свои обязанности...

– Я не хочу вас оскорбить, я спрашиваю лишь, чисто гипотетически, такое возможно? В ваше отсутствие, например?

– Теоретически, как вы говорите, такое и правда возможно. Но шансы ничтожно малы. Ведь повернуть такое было бы невероятно сложно. Во-первых, нужно подгадать момент, когда никого из нас не будет в аквариуме, и забрать ключи

лишь после ухода одного из нас. Во-вторых, аквариум закрывается на ключ. Попасть туда невозможно. Да и незаметно вернуть ключи назад вряд ли бы получилось. Нет, это практически нереально.

Джонни все же не спешил окончательно отбрасывать такой вариант и мысленно решил вначале посоветоваться с Фоксом.

– Еще раз прошу прощения, что перебил вас. Вы остановились на том, как вошли в зал. Что вы увидели?

– Множество горящих свечей. Они занимали все пространство сцены, кроме центра. А в центре стояла кровать. Это одна из сценических декораций. А на кровати лежал человек. Я вначале, грешным делом, подумал, что это кто-то из актеров напился да и уснул прямо на сцене. Но когда я подошел поближе, смог разглядеть кровь на одежде лежавшего. Я поспешил к нему, думая, вдруг смогу чем помочь, но было уже поздно. Бедняга лежал с открытыми глазами и не подавал никаких признаков жизни.

– Во что он был одет?

– На нем был его сценический костюм. Светлый королевский камзол, сапоги, плащ, даже шляпа.

Джонни вдруг поймал себя на мысли, что до сих пор не знает, кого играл в спектакле погибший.

– А кем был в спектакле Энтони Бут?

– Вы разве не знаете? У него была одна из главных ролей, он играл короля Дункана.

– Это из Макбета? – припомнил Джонни.

– Ну конечно, они ведь как раз Макбета и ставят.

– В спектакле, если мне не изменяет память, король так же погибает?

– Верно, ночью, прямо в постели, его убивает Макбет, желая получить корону.

– Забавное совпадение. Но мы отвлеклись. Что вы сделали потом?

– Я сразу же вызвал полицию. И задул свечи, иначе, я просто не смог бы приблизиться к несчастному. Во мне еще теплилась надежда, что он жив.

– Вы ничего подозрительного рядом с трупом не обнаружили?

– Нет, помимо свечей да самой кровати с покойником на сцене больше ничего не было. Но дело в том... – Альберт Молл замялся.

– Продолжайте.

– Дело в том, что утром обнаружилась пропажа ножа, из актерского реквизита. И представляете, в его пропаже обвинили меня! – бывший сторож был искренне возмущен. – Когда я попытался доказать режиссеру свою невиновность, он даже не стал меня слушать. Я написал заявление и ушел в отставку, да и не мог же я как ни в чем не бывало вернуться в то жуткое место, еще и ночью. Но клянусь вам, никакого ножа я не брал!

– Я вам верю, не волнуйтесь. Только я не совсем понимаю,

как этот нож связан с преступлением. Это ведь не орудие убийства?

Альберт Молл посмотрел по сторонам, будто боялся, что кто-то может их услышать:

– Дело в том, что у них там ножи из реквизита – самые настоящие.

– Как так?

– Мой напарник Гарри рассказывал мне по секрету, а сам он узнал от покойного Энтони, что режиссер их, испанец который, считает, будто на сцене все должно быть, как в жизни. Потому за неделю до премьеры театральные реквизит заменили самыми настоящими предметами. И ножи все острые, потому режиссер и переполошился так, когда один из них пропал.

Большими буквами Джонни написал в блокноте слово "нож", дважды подчеркнув его:

– Я очень благодарен вам за помощь, спасибо, что честно ответили на все вопросы.

– Не за что, – бывший сторож пожал Джонни руку на прощанье. – Хотел лишь добавить: если удастся поймать убийцу Энтони – отправьте его на электрический стул. Энтони был очень хорошим человеком, только настоящее животное могло поднять на него руку.

Джонни спускался по лестнице, размышляя над тем, кому и чем мог так насолить Энтони Бут, что убийца не пожалел сил для того, чтобы отправить его на тот свет прямо на сце-

не, при свечах и в сценическом костюме. "Не нравится мне все это", – думал он, заводя мотор кадиллака и держа курс в сторону театра. Была половина второго, а значит, у актеров скоро наступит перерыв.

Глава 4

Приехав на Голден-Гейт авеню, Джонни увидел возле входа в театр припаркованную машину. Полицейскую машину. Быстрым шагом Джонни направился напрямиком к ней. За рулем сидел ни кто иной, как инспектор Гоффри. В машине ему явно было тесновато, так как габаритами он вполне мог соперничать со среднестатистическим представителем семейства моржовых. Джонни уже давно так окрестил инспектора – внушительное брюшко, светлые усы щеточкой и абсолютно лысая макушка доказывали, что сравнение меткое. Потому кличка эта стала такой же неотъемлемой частью инспектора, как ласты у вышеупомянутого моржа.

– Ба, инспектор Гоффри собственной персоной! – Джонни наклонился к открытому окну машины. – Такие люди, и без охраны!

Сказать, что инспектор удивился при виде Джонни, значит ничего не сказать. Он аж подскочил от неожиданности на водительском сидении, после чего скривился от боли и начал потирать пятую точку. Джонни изобразил на лице свою фирменную "улыбку гиены". Инспектор исподлобья посмотрел на довольную физиономию юноши и буркнул:

– Джонни, катись отсюда, тебя ждет Фокс.

– О, так вы у нас на досуге таксистом подрабатываете?

Инспектор нахмурился, видимо размышляя, какую казнь уготовить Джонни: то ли сварить в кипящем масле, то ли четвертовать. Ни та, ни другая перспектива Джонни не прельщала, потому он решил поскорее загладить вину:

– Прошу прощения, это было бестактностью с моей стороны.

– Сама невинность, – пробормотал себе под нос инспектор Гоффри. – Давай, шут гороховый, лучше исчезни подобру-поздорову, пока я не вышел и не надавал тебе по шее.

– Главное, чтоб не по попе, – сказав это, Джонни поспешил ретироваться, пока его не настигла кара инспектора.

Войдя в здание, Джонни сразу же увидел Фокса, беседующего с охранником. Сидели они на тех самых диванчиках, где пару часов назад Джонни сам опрашивал Гарри Мидса. "Господи, он что, так и остался сидеть там, где я его оставил?!", – подумал юноша, направляясь к ним. При виде племянника Фокс встал. Одет он был просто, но элегантно: темный костюм и синяя рубашка. Что-что, а внешний вид всегда играл в жизни Фокса важную роль.

– Простите, что прервал вас.

– Ничего, мы уже закончили. Благодарю, что уделили мне время, – Фокс пожал руку сторожу и они с Джонни направились в сторону зала, оставив Гарри Мидса недоумевать, что может связывать частного детектива и инспектора охранных служб.

Идя по коридору, Джонни спросил:

– Что вы тут делаете, Фокс? Я думал, что сбор свидетельских показаний целиком и полностью лежит на мне.

– Инспектор Гоффри приехал почти сразу после твоего отъезда. Но полицейские отчеты я еще не просматривал. А знаешь почему?! Потому что инспектор отказался их мне предоставить, пока ты не извинишься за случай в собачьем питомнике! – Фокс с укором взглянул на Джонни, – Потому мне пришлось довольствоваться лишь его услугами водителя.

Джонни сомневался, что после их последнего разговора инспектор согласится предоставить Фоксу отчеты, но решил не делиться своими опасениями.

Они остановились перед входом в зал. Двери были закрыты, репетиция еще не окончилась. В ожидании они присели на диванчик у входа. Джонни поспешил успокоить Фокса:

– Да я как только, так сразу. Но зачем вам было самому приезжать в театр?

– Всему свое время, – Фокс взглянул на часы. – Отлично, сейчас ровно два часа. Актеры скоро начнут выходить. Пора начинать осмотр помещений.

– У меня есть ключи, – Джонни достал связку из кармана.

– Господи, Джонни, что ты творишь?! Я воспитал юного карманника! Ну-ка верни ключи на место, мистер Мидс уже любезно одолжил мне свои.

– Ну и пожалуйста, – обиженно пробурчал Джонни, – ста-

раешься тут, и все зря. Только как, скажите на милость, мне это сделать незаметно?

– Ладно, вернешь после, я отвлеку внимание сторожа. Из-за тебя я скоро сам пополню ряды преступников.

Джонни мысленно пожалел весь преступный мир, моля Бога, чтобы уберег несчастных бандитов от подобной участи. Ибо это будет слишком уж жестокой карой – у них жизнь и так не сахар.

– К тому же сейчас у нас есть дело поважнее, – Фокс заговорщицки посмотрел на племянника. – Нам нужно найти одну вещь.

Джонни вопросительно поднял брови: – И что же мы ищем?

– Орудие убийства. Нож, если быть точным. Его не нашли, но он есть. Я уверен, что нож все еще находится в здании. Этот нож – часть реквизита.

– А вам-то о нем откуда известно?

– Не понял.

– Ну про нож этот. Они пропажу сразу же после убийства обнаружили, и обвинение пало на бывшего сторожа, Альберта Молла.

– А, так ты в курсе.

– Ну конечно, я все утро занимаюсь сбором информации. Ну а где вы, скажите на милость, о нем узнали?!

– От жены Энтони Бута, миссис Салли Бут.

– Вы разговаривали с ней? Когда?

– Около часу назад. Она была в очень подавленном состоянии, потому я решил вывести её из дому. У них там рядом есть замечательный ресторанчик, называется...

– "Маленькое кафе"! – Джонни резко поднялся, и как раз вовремя – дверь в зал открылась, оттуда начали выходить актеры. Он недовольно взглянул на Фокса и быстрым шагом направился в зал.

– Что это на него нашло? – удивился Фокс, последовав за ним.

Внутри осталось только несколько человек: режиссер и пара рабочих сцены. Фокс подошел к Луису Ортега. Джонни, хоть и продолжал злиться на дядю, все же представил их друг другу. Луис Ортега заверил детектива в своей полной готовности помогать расследованию. Фокс сразу перешел к делу:

– Мистер Ортега, мне стало известно, что у вас пропал один предмет из реквизита.

Режиссер смешался, но все же ответил:

– Каюсь, виновен. Как я понимаю, вы уже знаете, что почти весь реквизит у нас в последнюю неделю был заменён на настоящий. Это мой собственный метод, и я применяю его во всех спектаклях. Я настаиваю на том, чтобы мои актеры на репетициях всегда использовали настоящие предметы, будь то вещи, посуда, еда или, вот как в этом спектакле, нож.

– Что это был за нож? И когда обнаружилась пропажа?

– Вы читали Шекспира, мистер Фокс? – поинтересовался режиссер.

– Да, я знаком с его произведениями.

– "Что в воздухе я вижу пред собою?

Кинжал! Схвачу его за рукоять. –

А, ты не дался! Но тебя я вижу!

Иль ты, зловещий призрак, только взору,

А не руке доступен? Или ты

Лишь детище горячечного мозга,

Кинжал, измышленный воображеньем?

Но нет, я вижу, чувствую тебя,

Как тот, что мною обнажен"³, – процитировал Луис Ортега.

Он читал с чувством, с расстановкой, глубоко вникая в смысл каждого произнесенного слова. Было видно, что текст этот он может наизусть прочесть даже спросонья.

– Макбет, как я понимаю?

– Второй акт, первая сцена. Монолог Макбета перед убийством короля Дункана.

– Которого играл Энтони Бут, – добавил Фокс. Джонни удивленно посмотрел на детектива – и как Фокс догадался поинтересоваться, в каком амплуа выступал погибший?

– Верно, – видимо, Луис Ортега был удивлен не меньше Джонни. – Так, о чем я? Ах да, это был тот самый нож, кинжал, если вам будет угодно, которым по сценарию Макбет закалывает Дункана, после чего они с леди Макбет с его помощью обвиняют в убийстве королевских слуг.

– И он пропал?

– Я обнаружил пропажу утром. Признаюсь, меня сразу на-

сторожило его отсутствие в подсобке, где мы храним реквизит, но я даже подумать не мог, что именно этим ножом убили Тони.

– Подсобка закрывается на ключ?

– В том-то и дело, что да. А ключи имеются только у меня да у охранников.

– Потому-то вы и обвинили в его пропаже Алберта Молла, – вклинился в разговор Джонни. Теперь настала очередь Фокса удивляться осведомленности племянника.

– Поймите меня правильно, – Луис Ортега переводил взгляд с Фокса на Джонни и обратно. – Я не хотел никого обвинять, но кроме охранника в подсобку попасть никто не мог.

– Раз уж убийце удалось добыть ключи от зала и сцены, вероятно, там же он достал и ключ от подсобки? – высказал предположение Джонни.

– Ключи от зала, сцены, гримерок, все они висят на доске в аквариуме, прошу прощения, на вахте, и раздобыть их не столь сложно. А вот ключ от подсобки, как я уже сказал, есть только у меня да у охранников, потому-то я первым делом и обратился к Берти. А он воспринял мои слова как личное оскорбление и уволился. Но я его не виню, я прекрасно понимаю, как тяжело ему было бы возвращаться сюда ночью.

– У кого в последний раз видели этот нож? – задал вопрос Фокс.

Луис Ортега задумчиво потер подбородок:

– Дайте подумать... У Энтони, да, у него. Я, по-моему, даже спросил у его жены, не приносил ли он его случайно домой.

– Нам это известно. Но у нее ножа не оказалось.

– Да, потому я лично постарался обыскать помещение. Но увы, безрезультатно.

– Почему вы не сообщили о пропаже полиции?

Режиссер опустил взгляд и стал медленно прохаживаться вдоль сцены. Через несколько мгновений он все же ответил:

– Я испугался. Понимаете, не думаю, что это соответствует нормам безопасности, использовать на репетиции настоящее оружие. Но ведь полиции не объяснишь, что только так можно заставить актеров поверить в то, что они играют

– Ну что ж, раз уж вы не решились привлечь полицию к поискам, то поиск этот возглавим мы, – Фокс улыбнулся Луису Ортега, – с вашей помощью, конечно же.

– Я к вашим услугам.

– С чего мы начнем? – спросил Джонни.

– Искать в этом зале смысла нет, – ответил за Фокса режиссер. – Это помещение полиция обыскала вдоль и поперек.

– В таком случае, предлагаю начать с коридора и гардероба.

Фокс решил привлечь в помощники охранника, так как ему лучше всех было известно о местоположении тех или иных вещей в помещениях. Во время их разговора Джонни

удалось незаметно "нырнуть в аквариум" как он про себя выразился и вернуть ключи на место. Увы, осмотр коридора и гардероба не дал никаких результатов. Потому, не теряя времени даром, они приступили к осмотру актерских гримерных. Коридоры с гримерными размещались с двух сторон от сцены, как бы огибая ее, но в них также можно было попасть из центрального коридора. Личные гримерные имелись только у ведущих актеров, исполнители второстепенных ролей, увы, были вынуждены переодеваться и приводить себя в порядок в небольших комнатках по двое–по трое. В левом коридоре были женские гримерные, в правом – мужские. Фокс решил начать с женских. На двери первой от сцены гардеробной висела табличка "Бьянка Руссо". Внутри было достаточно просторно, напротив двери стоял черный трельяж с трехстворчатым зеркалом, рядом с ним – кресло, обтянутое красным бархатом. На стенах висели фотографии из разных спектаклей, афиши и премии, слева от стола стояла полка с париками и различными тюбиками, и флакончиками. В углу стоял массивный бардовый шкаф. Под присмотром сторожа и режиссера Фокс и Джонни внимательно осмотрели все помещение, но осмотр этот так же не дал никаких результатов. Луис Ортега посмотрел на часы:

– Уже почти три, нам следует поторопиться сейчас начнут собираться актеры.

– Осмотрим еще одну гримерную, – принял решение Фокс. – Если ничего не обнаружим – что ж, придется нам

ждать конца репетиции.

– Чью примерную вы хотите осмотреть?

– А кто играет Макбета? – вдруг спросил Фокс.

Джонни вопрос показался нелепым, режиссеру, видимо, тоже, так как он ответил, не пытаясь скрыть удивление:

– Джеймс Морган, – Джонни вспомнил, что за сегодня уже не раз слышал это имя.

– Покажите мне, где находится его примерная, – обратился Фокс к сторожу.

Примерная Джеймса Моргана находилась справа от сцены, с противоположной стороны от примерной Бьянки Руссо. Внутри она была обставлена той же мебелью, но фотографий на стенах было даже больше, чем в предыдущей примерной, так же висела пара афиш. На столике стояло множество кремов и косметических средств, впереди стояла ваза с засохшими цветами. Фокс внимательно изучил содержимое шкафа и всех ящиков стола, но вновь безрезультатно. Они уже было хотели покинуть комнату, когда Фокс произнес:

– Постойте, но мне показалось... – он не договорил и быстрым шагом направился обратно к трельяжному столику.

Остановившись, он внимательно стал всматриваться в темную стеклянную поверхность вазы, слегка провернув ее. После чего снял пиджак, засучил рукава рубашки и просунул руку прямо в вазу. Джонни уже было хотел в шутку заметить, что в таких вазах золотые рыбки не водятся, когда Фокс победоносно выудил из вазы какой-то предмет. Все ах-

нули: в руках у него был искомый нож!

Глава 5

Все присутствующие никак не могли отойти от шока: режиссер Луис Ортега стоял, как громом пораженный, сторож так и застыл с открытым ртом, даже Джонни был немало удивлен. Фокс осторожно положил находку на трельяжный столик. Выйдя из оцепенения, остальные обступили Фокса, желая повнимательнее рассмотреть кинжал. Он представлял собою длинный нож на черной рукояти, инкрустированной серебром. На лезвие виднелась запекшаяся кровь. В том, что именно этим кинжалом был заколот Энтони Бут, сомневаться не приходилось. Фокс вынул из кармана небольшой полиэтиленовый пакет ("И откуда он у него взялся?" – удивился про себя Джонни) и осторожно положил в него кинжал. После чего окинул взглядом собравшихся:

– Как все уже поняли, орудие убийства найдено.

– Но не думаете же вы, что это Джеймс... – начал было Луис Ортега.

– Я пока ничего не думаю, – отрезал Фокс. – В первую очередь я хочу допросить Джеймса Моргана. И если это возможно, то прямо сейчас.

Видно было, что режиссеру не по душе откладывать репетицию, но он согласился, хотя и неохотно.

– Если вас не затруднит, – Фокс взглянул на режиссера, – приведите его прямо сюда. И возвращайтесь с ним, вы вполне можете присутствовать при допросе.

Режиссер молча кивнул и покинул комнату. Сторож Гарри Мидс несколько мгновений постоял на месте, переступая с ноги на ногу, после чего спросил, нуждается ли Фокс в его услугах. Детектив ответил, что в случае необходимости, за ним тотчас пошлют, а пока сторож мог быть свободен. Когда Гарри Мидс вышел, Фокс сел в одно из стоящих вдоль стены кресел, жестом указал Джонни на второе и попросил племянника вкратце рассказать ему обо всем, что тому удалось узнать. Джонни как раз заканчивал пересказывать Фоксу разговор с Альбертом Моллом, когда в комнату вошел Луис Ортега, а следом за ним молодой светловолосый юноша, в котором Джонни с удивлением узнал того парня, на которого кричала Бьянка Руссо. Джеймс Морган был молод, высок и статен. По-своему, даже красив: тонкие черты лица, нос с горбинкой, русые, слегка выющиеся волосы, тщательно подстриженная борода. Одет элегантно: узкие брюки, светлый твидовый пиджак. Джонни взглянул на руки вошедшего – тонкие пальцы, ногти аккуратно подстрижены, юноша явно следил за своей внешностью. Единственное, что слегка портило картину – глаза. Странного, светло-серого оттенка, они были совершенно невыразительными, будто мутными. Сейчас он удивленно смотрел на Фокса. Луис Ортега, как видно, не сообщил ему ничего по дороге. Но испуганным Джеймс Морган не выглядел.

– Добрый день, я частный детектив Фокс, – Фокс поднялся с кресла и протянул юноше руку. Затем указал на Джонни: –

Это мой племянник, Джонни Траст.

– Очень приятно, – поздоровался Джеймс Морган. Голос был глубокий, слегка с хрипотцой.

– Вы, вероятно, хотите узнать, что мы делаем в вашей гримерной? Дело в том, что мы нашли здесь один предмет, которому тут быть не положено. Вы можете сказать нам, что это? – Фокс протянул Джеймсу Моргану пакет с кинжалом.

Он удивленно воззрился на предмет в своих руках. Джонни поразился: "То ли он настолько хороший актер, то ли действительно понятия не имеет, что здесь происходит".

– Это... – наконец выговорил юноша, – это же наш нож. С репетиций. Откуда он у вас?

– В этом-то и состоит проблема, ведь нашел я его в этой комнате.

– В моей гримерке?! Но это невозможно! Откуда он здесь взялся?! – вскричал Джеймс Морган. Луис Ортега положил руку ему на плечо, видимо, желая успокоить.

– Вы уж простите, но этот вопрос я вынужден задать вам.

– Клянусь вам, я понятия не имею, как он здесь оказался! Где вы его нашли? Среди моих вещей?

– Вон в той вазе, – Джонни ткнул пальцем в сторону стола.

– Но я бы никогда не стал прятать там нож. Да и вообще, зачем мне его у себя прятать? Он что, представляет собой какую-то ценность?

– Молодой человек, неужели вы до сих пор не поняли? Этот нож – орудие убийства.

В серых глазах Джеймса Моргана промелькнул испуг.

– Вы хотите сказать, что подозреваете меня в убийстве? – его руки слегка затряслись, юноша и правда был напуган. "Либо же очень тщательно разыгрывает испуг", – мысленно напомнил себе Джонни.

– Я лишь хочу задать вам несколько вопросов. Присядьте, пожалуйста, и постарайтесь успокоиться.

Джеймс Морган медленно прошел к трельяжному столику, взял стул и поставил его напротив кресла Фокса. Садиться не спешил. Руками держась за спинку стула, он сделал несколько глубоких вдохов. Наконец, юноша опустился на стул и взглянул Фоксу прямо в глаза. В них читалась мольба о помощи.

– Что ж, – Фокс прочистил горло, кивком дав Джонни знак достать блокнот, – в первую очередь, расскажите о себе. Джеймс Морган – настоящее имя, или сценический псевдоним?

– Настоящее. Мое полное имя – Джеймс Бартоломью Морган, я родом из Сакраменто. Мне 27 лет, почти всю свою сознательную жизнь я играю на сцене. Но до недавнего времени – в основном на вторых ролях.

– Давно вы присоединились к труппе?

– Несколько месяцев назад.

– Значит, этот спектакль будет вашей первой громкой премьерой?

– Да, можно и так сказать.

– Как вы попали в труппу?

– Меня заметил мистер Ортега. Еще в колледже я начал играть, да так и застрял в том театре Американ Ривер Колледж. В тот раз мне повезло – мне досталась роль Франца в "Разбойниках" Шиллера. Персонаж очень колоритный, потому играть его было хоть и сложно, но невероятно интересно.

– Он тогда просто покорила меня своей игрой, – вступил в разговор Луис Ортега. – Такая страсть, такая гамма чувств, все внутренние переживания героя были видны, как на ладони. Джеймс настолько глубоко прочувствовал своего персонажа и так меня поразил, особенно в финальной сцене, что я аплодировал стоя.

Джеймс Морган улыбнулся, видимо, окунувшись в приятные воспоминания и на мгновение забыв, где он находится. Но голос Фокса вернул его к действительности:

– Значит, в труппе вы недавно. Но, как я понимаю, у вас главная роль?

– Да, я играю Макбета, – юноша с благодарностью взглянул на Луиса Ортега. – До сих пор не могу поверить, что мне дали главную роль.

– Ты её заслужил, – режиссер улыбнулся, но потом лицо его вновь стало хмурым.

– Хорошо, перейдем ближе к делу. Вы хорошо знали погибшего?

– Мистера Бута? Достаточно хорошо, я хочу сказать, на-

сколько это возможно за столь непродолжительное время. Мы стали неплохими приятелями, он был очень интересным собеседником. К тому же, я многому у него учился, он, как-никак, актер со стажем.

Джонни поймал взгляд Фокса, как бы узнавая, можно ли ему задать вопрос. Фокс едва заметно кивнул:

– Прошу прощения, но мне стало известно о некоторых разногласиях, возникших между вами в последнее время.

– Разногласия? – Джеймс Морган выглядел озадаченно. – Кто вам такое сказал? Мы с Энтони прекрасно ладили, вплоть до последних дней.

– Позволь, Джеймс, – Луис Ортега пристально на него взглянул, – но за всю последнюю неделю вы с ним и словом не перемолвились.

– Да нет же, все у нас было в порядке. Не понимаю, откуда возникли такие подозрения.

– Не является ли причиной некая молодая дама? – Фокс задал этот, казалось бы, вполне невинный вопрос, сам не ожидая, какой эффект он произведет. Джеймс Морган вздрогнул, залился краской, затем побледнел и часто задышал.

Луис Ортега поспешил сгладить неловкий момент:

– Полноте, Джеймс, вы можете рассказать всё мистеру Фоксу, ведь все в труппе давно знают про вас с Бьянкой.

– Марией, – поправил Джеймс, уставившись в пол. – Затем взял себя в руки и взглянул на детектива: – Мы с Марией не

афишируем свои отношения.

Луис Ортега вновь вмешался:

– Джеймс, Тони беспокоило, что ваши отношения могут негативно повлиять на вашу игру, он постоянно говорил мне об этом

– Но это невозможно! Тони не был против! Мария ему была, что дочь родная. Да и ко мне он хорошо относился...

– Джеймс, что толку отрицать очевидное? Всем в труппе известно, что Тони уже несколько лет без памяти влюблен в Бьянку, прошу прощения, Марию. Но чувства свои он скрывал и, хоть мы все это видели, но не подавали виду, что нам что-то известно.

– Энтони и Мария? – Джеймс Морган вскочил на ноги. – Да быть того не может! Энтони любил Марию, но только как дочь, он никогда не питал к ней никаких иных чувств.

– Ты просто недостаточно хорошо знал его, – Луис Ортега положил руку на плечо Джеймсу, усаживая обратно на стул. – Ну же, успокойся. Прошу прощения, это наши внутренние разборки, и я очень сожалею, что вы стали свидетелями подобной сцены.

Фокс задумчиво провел рукой по подбородку. Выждав несколько мгновений, он задал следующий вопрос:

– Мистер Морган, мне известно, что в ночь убийства вы дольше обычного задержались в театре. Скажите, у вас есть алиби на момент убийства?

Как бы выражая протест, Джеймс Морган вздернул под-

бородок и смело ответил: – А что, если нет?!

– Тогда я буду вынужден задержать вас и передать в руки полиции.

Слова Фокса отрезвляюще подействовали на юношу. Он заколебался. Луис Ортега поспешил вмешаться:

– Мистер Фокс, я могу поручиться за Джеймса, он не способен на убийство.

– Но оружие убийства было найдено в вашей примерной, мистер Морган, к тому же, у вас, как выяснилось, нет алиби. Потому у меня имеются все основания...

– Стойте! У него есть алиби! Все это время он был со мной! – все присутствующие обернулись – в дверях стояла Мария Росс.

Глава 6

– Бьянка! – воскликнул Луис Ортега.

– Мария! – Джеймс Морган резко поднялся со стула и поспешил к девушке.

Она жестом его остановила. Сама шагнула внутрь комнаты и направилась напрямик к Фоксу, мельком взглянув на Джонни. Но даже такого краткого зрительного контакта хватило ему на то, чтобы вновь почувствовать на себе все притяжение ее взгляда. Меж тем она встала напротив Фокса. Ни до режиссера, ни до Джеймса Моргана ей, казалось бы, дела нет. Сейчас важен был лишь Фокс. На него она глядела, не отрываясь.

– Разрешите представится, я – Фокс, детектив – он под-

нялся и предложил девушке сесть. Она отрицательно покачала головой. В итоге стоять остались все.

– Мария. Или Бьянка, как вам будет угодно, – представилась девушка, рукой зачесывая назад волосы. Видимо, он спешила: прическа растрепалась, на щеках все еще горел румянец. – Сер, вы обвиняете не того человека, дело в том, что...

– Мисс Росс, – прервал её Фокс, – мне известно, кого вы подозреваете.

– Правда? – на лице её отразилось удивление.

– Да, мистер Траст, – он кивнул на Джонни, – передал мне ваш разговор. Но я хотел бы, чтобы вы еще раз повторили свои обвинения.

– Бога ради, – она наконец решила присесть. Фокс опустил обратно в кресло. Остальные не двигались: Джонни стоял возле трельяжного столика, Джеймс Морган и Луис Ортега – справа от двери.

– Если можно, перед тем как начать рассказ, ответьте мне на пару вопросов.

– Хорошо, спрашивайте.

– Ваше имя – Мария Росс.

– Да, Мария Анжела Росс. Бьянка Руссо – мой сценический псевдоним.

– Сколько вам лет? Уж извините за столь нескромный вопрос.

– Не стоит, – она ничуть не смутилась. – Мне 26 лет.

– Сколько лет вы выступаете на сцене?

– Я поступила в Академию искусств в 19 лет. Но играть начала еще в школьных постановках, потому можно сказать, что почти всю мою жизнь.

– Как вы попали в труппу?

– Мистер Ортега – давний знакомый моей матери, она тоже актриса. Это он пригласил меня.

– Вы давно его знаете?

Девушка взглянула на режиссера: он ободряюще ей улыбнулся. Во взгляде режиссёра читались тепло и любовь, видимо, Мария была ему очень дорога.

– Сколько себя помню. Он часто бывал у нас дома, сказать по правде, именно он вдохновил меня на поступление в Академию. Сама бы я ни за что не решилась.

– Вы играете в спектакле леди Макбет? – видимо, такого вопроса девушка не ожидала. Она удивленно подняла тонкие брови:

– Да. Мне нравится играть трагических героинь. Дездемона, Клеопатра, Елена. Право, эти образы мне гораздо ближе.

– Хорошо, перейдем к убийству. Вы были близко знакомы с погибшим?

– Энтони был мне, как отец. Вернее, как второй отец. Первым всегда был и остается мистер Ортега, – она вновь посмотрела на режиссера, её взгляд так же был полон теплоты и благодарности. – Энтони был очень добрым, искренним и отзывчивым. Он всегда готов был прийти на помощь. Сколь-

ко раз он выручал меня из переделок, в которые я вляпывалась, – она запнулась, отвела взгляд. Сглотнула, и добавила: – Мне очень сильно его не хватает.

– Вы знали, что он был в вас влюблен? – Фокс внимательно следил за реакцией Марии. На лице ее было написано искреннее удивление.

– Вы шутите, да? Не самое удачное время для шуток.

– Я говорю серьезно.

– Это какая-то ерунда, – она замотала головой, будто отгоняя саму мысль о такой возможности.

– И я сказал то же самое! Энтони ни разу и словом не обмолвился о каких-либо чувствах. Он относился к Марии, как к дочери! – Джеймс Морган выступил вперед.

– К тому же, – добавила Мария Росс, – он до безумия любил свою жену, миссис Бут. Я видела, как он на нее смотрел, как всякий раз светились его глаза при одном лишь упоминании о ней.

– Бьянка, Джеймс – Луис Ортега вышел на середину комнаты. – Вы, к сожалению, знали Тони не так хорошо, как я. И потому не могли знать, что творится у него в душе.

Оба, и Джеймс и Мария, промолчали. Было видно, что эта информация была для них шоком.

– Что ж, вернемся к вечеру четверг. Мне сообщили, что в тот вечер вы задержались в театре дольше обычного, – Фокс испытующе посмотрел на Марию Росс.

Но взгляд его нисколько не смутил девушку. Она ответила

четко и без тени смущения:

– Да, мы с Джеймсом остались после репетиции. Мы заперлись у него в гримерке и занимались любовью.

– Мария, – Джеймс Морган покраснел и умоляюще взглянул на девушку.

– А что толку это скрывать, Джеймс, раз уж всем и так все известно?! И в конце концов, будь мужиком! Неси ответственность за свои поступки, – она повернулась к Фоксу: – Ну что, вас удовлетворили мои ответы? Могу я теперь указать вам настоящего убийцу?!

– Вы имеете в виду мистера Дживса?

– Бьянка, опять ты за свое! – Луис Ортега обреченно опустил руки.

– Мистер Ортега, я бы попросил вас не вмешиваться, – Фокс жестом дал девушке знак продолжать.

– Да, я обвиняю Энди Дживса! – с жаром воскликнула Мария Росс. – И мне плевать, что никто из вас мне не верит! – она поочередно переводила взгляд с Джеймса Моргана на Луиса Ортега.

– На каком основании? – Фокса, казалось, её слова заинтересовали.

– А больше никому! Он в трупке только благодаря деньгам! И он был дублером Энтони. Теперь роль короля Дункана перешла к нему.

– Бьянка, – вновь вмешался Луис Ортега, – пойми же ты наконец! За то, что Энди Дживс помог трупке деньгами, его

можно лишь поблагодарить! А уж есть ли у него талант, позволю судить мне.

Фокс предостерегающе взглянул на режиссера и вновь перевел взгляд на Марию:

– Скажите, по-вашему, мистер Дживс справляется с ролью короля Дункана?

Джонни вопрос Фокса показался весьма странным. "Господи, он что, реально верит словам этой девицы?!" – думал он, молча наблюдая за разворачивающейся сценой.

– Нет, совсем нет!

– Но тогда выходит, что спектакль может провалиться, вы так не считаете?

Мария скривила губы. На лице заиграла усмешка.

– Да нет, мистер Фокс. Теперь успеху спектакля не может помешать ничто, даже посредственная игра одного из актеров. Кому теперь до этого есть дело?

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что смерть Энтони наделала столько шума, сколько не наделала бы и самая лучшая рекламная кампания. И теперь никто не обратит внимание на жалкие попытки Энди Дживса выжать из себя крохи актерской игры. Важным будет лишь тот факт, что предыдущего исполнителя этой роли убили прямо на сцене. Все газеты только об этом и пишут

– Но есть ли у вас какие-либо доказательства вины мистера Дживса?

Мария Росс смешалась. Тихо ответила:

– Нет. Только подозрения.

– К сожалению, я не могу задержать человека только на основе чьих-то подозрений... – девушка уже собралась что-то сказать, но Фокс остановил её. – Но я обещаю его допросить. Прошу вас, доверьтесь мне, я умею прислушиваться к чужим словам.

Мария Росс поглядела на Луиса Ортега. Взгляд красноречиво говорил: "Хоть кто-то меня послушал". Но Фокс еще не закончил допрос:

– Мисс Росс, я бы попросил вас взглянуть сюда, – он взял со столика, на который его машинально положил Джеймс Морган, завернутый в пакет нож. Мария осторожно повертела предмет в руках, затем чуть слышно вскрикнула и выронила его, прикрыв рот руками.

– Господи, этот нож... Неужели... Энтони... Боже...

Джеймс Морган и Луис Ортега одновременно поспешили к Марии и принялись успокаивать девушку. Фокс осторожно поднял с пола улику.

– Вижу, предмет вам знаком.

Мария Росс уже взяла себя в руки. Она отстранила Джеймса Моргана и, сделав глубокий вдох, ответила:

– Да. Мы использовали этот нож на репетициях. Именно им по сценарию Макбет закалывал короля Дункана. То есть Энтони. Там на острие пятна... Это кровь?

– Не могу сказать наверняка, но, скорее всего, да. Этот

нож – орудие убийства. Вы догадываетесь, где мы нашли его?

– Нет... – тут девушка огляделась по сторонам. Видимо, она наконец осознала причину, по которой допрос проводился именно в примерной Джеймса Моргана, потому что, резко обернувшись, она впиалась взглядом в Джеймса. Её глаза расширились, в них сквозил испуг: – Джеймс... – голос дрогнул.

– Мария, клянусь, я здесь ни при чем! Меня подставили! Я понятия не имею, каким образом нож оказался в моей примерной! – Джеймс умоляюще взглянул на Фокса: – Прошу вас, скажите, что верите мне!

Фокс молча переводил взгляд с Джеймса на Марию. Юноша тяжело дышал, Мария не отрываясь смотрела на нож в руках Фокса. Наконец он сказал:

– Мы проверим, не осталось ли на ноже отпечатков пальцев. Пока что вы можете идти, – он повернулся к режиссеру: – Мы и так вас слишком задержали. Только у меня будет к вам просьба.

Луис Ортега слегка напрягся, но все же улыбнулся и ответил:

– Конечно, все, что угодно.

– Мой помощник будет присутствовать на репетиции, – Джонни сам не ожидал такого поворота, но виду не показал.

Луис Ортега рассмеялся:

– Будьте осторожны. А то я не выдержу, и обязательно дам ему какую-то роль!

Глава 7

Первой из гримерной вышла Мария Росс, за ней последовал Джеймс Морган и Луис Ортега. Фокс и Джонни выходили последними.

– Будь начеку, – вполголоса проговорил Фокс. – Внимательно следи за происходящим на сцене. У меня такое чувство, что именно спектакль даст нам ключ к разгадке.

– А вы что предпримете?

– Поеду с инспектором Гоффри в участок, – Джонни мысленно попросил всех святых с Аллахом во главе, чтобы инспектор дождался Фокса, а не уехал тотчас после разговора с ним. Иначе Фокс в отместку заберет кадиллак, а Джонни совсем не хотелось добираться домой на автобусе.

– Проверите отпечатки на ноже?

– Кинжале, – Фокс был очень щепетилен в вопросах правильного употребления слов. – Нам крупно повезло, что в вазе не было воды, возможно какие-то отпечатки убийца все же оставил. Да, дождусь результатов экспертизы и попытаюсь вытрясти из инспектора отчеты допросов свидетелей, – Джонни прибавил к своей молитве Кришну и Будду, а так же весь известный ему божественный пантеон, дабы смилился инспектор Гоффри и сменил свой праведный гнев на милость, во имя отца, и сына, и святых ёжиков, аминь.

Луис Ортега закрыл за ними дверь гримерной, после чего они распрощались: Фокс направился к выходу, а Джонни последовал за актерами и режиссером. В зале стоял нево-

образимый гул. Актеры явно недоумевали, почему репетиция еще не началась, и куда подевались ведущие актеры вместе с режиссером. Но при появлении последнего все мигом притихли. Дисциплина в присутствии Луиса Ортега соблюдалась железная. Режиссер поднялся на сцену дабы слегка разрядить обстановку:

– Друзья, простите за задержку, нужно было уладить некоторые вопросы. Но теперь все в порядке, и мы смело можем начать, – лицо его приобрело строгое выражение. Товарищеский тон сменился приказным: – Джеймс, Уильям – на сцену, Люси, Эмма, Роуз – вы тоже. Прогоним сцену пророчества. – Легко спрыгнув с помоста, Луис Ортега отдал сцену целиком в распоряжение актеров.

Джонни занял место в первом ряду, прямо в центре. Остальные актеры рассредоточились по залу, но большинство сидело на первых рядах. Вслед за Джеймсом на сцену поднялся еще один юноша, с виду даже моложе его – невысокого роста, худой, даже щуплый, стриженные русые волосы торчали во все стороны. Джонни не удержался и мысленно окрестил юношу воробьем. Впрочем, прозвище было весьма подходящим. К тому же парень заметно нервничал. С другой стороны сцены вышли три девушки, все приблизительно одного возраста, но внешне абсолютно разные. Высокая статная блондинка уверенно шла впереди, за ней следовала шатенка, невысокая и слегка полноватая, но миловидная и на удивление грациозная, а замыкала шествие совсем ху-

денькая рыжая девушка. Она привлекла внимание Джонни больше всех – бледная, почти прозрачная кожа, тонкие руки, легкое платьице, она словно не шагала, а плыла по воздуху, легкая, как пушинка. Воображение Джонни тут же дорисовало ей остроконечные ушки, и образ лесного эльфа был готов. Когда первая девушка достигла середины сцены, третья повернулась к зрительскому залу:

– Барабан стучит!

К Королю Макбет спешит.

Все три девушки заговорили хором:

– Сестры, мчимся чередой

Над землей и над водой.

Пусть замкнёт волшебный круг

Трижды каждая из нас:

Трижды по три – девять раз.

Стой! Заклятье свершено.

К ним навстречу вышел Джеймс. За ним следом шел Уильям. Юноша немного сутулился и держался на сцене не слишком уверенно. Он почему-то постоянно с опаской косился в сторону режиссера. Джеймс заговорил:

– Бывал ли день ужасней и славнее?

Уильям сделал над собой усилие, но голос все равно выдавал его волнение:

– Эй, далеко ль до Форреса? – Кто эти

Иссохшие и дикие созданья?

Нет на земле таких, хотя на ней

Они стоят. – Вы люди или духи?

Джеймс говорил громко и уверенно. На сцене он держался свободно:

– Ответьте: кто вы?

Блондинка заговорила, у нее был глубокий, низкий голос.

– Да славиться Макбет, Гламисский тан! – девушка кинула выразительный взгляд на Джеймса. Джонни пришло в голову, что девушка влюблена в парня, но происходящее на сцене интересовало его в данный момент гораздо больше.

Шатенка сделала шаг вперед:

– Да славится Макбет, Кавдорский тан!

У рыжей девушки был тонкий, пронзительный голос, но прозвучал он наиболее выразительно:

– Да славится Макбет, король грядущий!

Вновь настала очередь Уильяма, но говорил он гораздо тише, голос сильно дрожал,, Джонни с первого ряда с трудом разбирал его реплики:

– Макбет, ты вздрогнул? Неужель боишься

Их сладких слов? – Сознайтесь, правды ради,

Вы призраки или существа живые?

От вас мой друг услышал в знак приветая

Свой титул, обещаье чести новой

И предсказанье царственных надежд... – Юноша запнулся, но быстро вспомнив слова, продолжил немного увереннее:

– Взволнован он. Но что ж со мной вы немые?

Коль вы способны, сев времен провидя,
Сказать, чьи семена взойдут, чьи – нет,
Судьбу и мне откройте – мне, кому
Ваш гнев не страшен, ваших благ не нужно.

По очереди заговорили все три девушки:

– Славься!

– Славься!

– Славься!

Первой опять заговорила блондинка. Вновь бросив взгляд на Джеймса, на который тот никак не отреагировал, она повернулась вполоборота, обращаясь одновременно к Уильяму и к залу:

– Ты ниже, чем Макбет, но выше.

Шатенка подхватила:

– Несчастней ты, зато счастливей.

Рыжая указала пальцем на Уильяма:

– Ты не король, но королей родишь.

Да славятся равно Макбет и Банко!

Блондинка повторила за ней:

– Да славятся Банко и Макбет!

Джеймс подошел к трем девушкам почти вплотную, но они по очереди стали медленно отходить от него назад:

– Вещунии, вы еще не все сказали.

Я – Гламис, раз отец мой Синел умер,

Но я не Кавдор, ибо тан Кавдорский

Живет и благоденствует. А статья

Шотландским королем мне вряд ли легче,
Чем Кавдором. Откуда почерпнули

Вы мысли столь нелепые? К чему
Приветом вещим в выжженной степи
Вы нас остановили? Отвечайте.

При последних его словах девушки разом исчезли за ку-
лисами.

Снова заговорил Уильям:

– То – пузыри, которые рождает
Земля, как и вода. Но где ж они?

Джеймс отвечал:

– Развеял воздух, словно ветер вздохи,
Их плотские обличия. А жаль.

Уильям открыл было рот для следующей реплики, но тут же испуганно взглянул на Джеймса, а затем бросил полный ужаса взгляд на режиссёра. Он снова забыл текст. Несколько секунд он лихорадочно пытался вспомнить, затем неуверенно начал:

– Неужто ль мы и вправду видели...

– Да вправду ль мы с тобой их повидали?! – громкий голос Луиса Ортега разнесся по всему залу. – Господи, Уильям, что с тобой сегодня такое?! Неужели ты не можешь хоть раз отыграть всю сцену целиком, ни разу не забыв слова. Это же настоящий кошмар! А ведь завтра премьера!

Луис Ортега был в ярости. Для Джонни такое поведение режиссера стало поистине неожиданным. Видимо, его нервы

тоже были на пределе. Режиссер быстрыми шагами поднялся на сцену, на ходу продолжая ругать парня:

– И как я мог согласиться отдать тебе эту роль?! Банко, один из ключевых персонажей, на эту роль у меня было по крайней мере три кандидатуры, но нет, ты клялся и божил-ся сыграть на высшем уровне, выложится на все сто. Как ты там говорил: "Обещаю, я не подведу, можете на меня положиться!". Вначале так и было, а что теперь?! Сплошная халтура! Никакого чувства, никакой экспрессии! Я не увидел, как впрочем и не услышал, совершенно ничего!

В гневе Луис Ортега производил весьма устрашающее впечатление. Даже Джонни показалось, что от режиссера исходит столько негативной энергии, что хватит для подзарядки небольшой электростанции. Бедный парень совсем ступешевался. Опасаясь встречаться взглядом с режиссером, он смотрел в пол. Луис Ортега же решил, видимо, совсем добить Уильяма:

– Ты бездарный актер. Да Джеймс рядом с тобой выглядит и вовсе звездой мирового уровня! А ведь он даже не учился в Академии!

Джеймсу не слишком понравилось, что его приводят в пример, потому он попытался немного сгладить обстановку:

– Мистер Ортега, давайте прогоним сцену еще разок? Я уверен, на этот раз все пройдет на ура.

Он подошел к Уильяму и положил руку на плечо:

– Уилл, не переживай ты так, – он ободряюще ему улыб-

нулся. – Подумаешь, все мы иногда забываем текст, это нормально, волноваться перед премьерой. Давай попробуем еще...

Но Уильям не дал ему договорить. Резким движением сбросив с плеча руку Джеймса, он сделал то, чего никто не мог ожидать – с размаху ударил парня в лицо. Удивительно, сколько силы Уильям вложил в этот удар – Джеймс упал, как подкошенный. Окружающие застыли – в зале стояла гробовая тишина. Уильям тяжело дышал, но, видимо, одного удара ему показалось мало, и он ринулся напрямиком на лежащего Джеймса. Но Джонни среагировал быстрее: в мгновение ока он уже был на сцене и стоял между двумя актерами.

– Спокойно, – проговорил Джонни, обращаясь к Уильяму, – давай не будем ухудшать и без того плохую ситуацию.

Но, к удивлению, не только Джонни, но и всех присутствующих, Уилла утихомирил не Джонни, а внезапное появление рядом с ним рыжей девушки-эльфа. Она стремительно подбежала к юноше и заговорила своим пронзительным голоском:

– Уилл, прошу тебя, возьми себя в руки. Что на тебя нашло?

В её присутствии Уильям сразу же задышал ровно, кулаки разжались будто сами собой. Он виновато поглядел на девушку:

– Прости меня, Роуз. Я был не в себе.

Он направился к Джонни, сидящему на корточках около

Джеймса. Парень все еще лежал на полу, из носа вовсю хлестала кровь. Платок, который Джонни дал ему, уже был весь мокрый. Мария Росс со всех ног спешила к Джеймсу, но Уильям её всё же опередил. Подойдя к пострадавшему, юноша протянул ему руку и виновато пробормотал:

– Джеймс, прости меня, пожалуйста.

Но Джеймс, увы, не был настроен столь миролюбиво, потому просто оттолкнул протянутую руку. Встав на ноги с помощью Джонни и подоспевшей Марии, несмотря на обильное кровотечение, которое он безуспешно пытался остановить, юноша всё же смог отчетливо выговорить:

– Не приближайся ко мне. Я не виноват в твоих неудачах, а у меня благодаря тебе перед премьерой сломан нос, – он задрал голову, потом поднес к носу рукав рубашки. За считанные секунды рукав стал красным от крови. – Мне крупно повезет, если я смогу хотя бы нормально разговаривать.

– Джеймс, мне так жаль, – на Уильяме лица не было. Он явно сожалел о своём поступке.

Тут в себя пришел и режиссёр:

– Ты что наделал, болван! Эступидо, десцеребрадо! – Луис Ортега широкими шагами направился напрямиком к Уильяму. Парень попятился. Видимо, режиссёр был настолько зол, что на автомате перешел на испанский. О смысле сказанного догадаться было не сложно. Глаза его пылали такой яростью, что юноша уже явно пожалел, что вообще на свет родился. Он забормотал извинения.

– Я не нуждаюсь в твоих извинениях, от них никакого толку! Как, впрочем, и от тебя! Прочь с глаз моих, мне нужно успокоиться, я сейчас не в состоянии с тобой разговаривать.

Уильям попятился, на ходу споткнулся и чуть было не упал со сцены, но успел сохранить равновесие. После чего быстрыми шагами покинул зал. Роуз было двинулась следом за ним, но голос Луиса Ортега пригвоздил её к месту:

– Всем оставаться на местах. Репетиция не окончена.

Режиссёр повернулся к Джеймсу, у которого, к счастью, наконец прекратилось кровотечение. Тем не менее, вокруг образовалась приличного размера красная лужица. С двух сторон его поддерживали Джонни и Мария:

– Джеймс, ты как себя чувствуешь?

– Нормально, – голос прозвучал глухо и гнусаво. Он попытался сохранить равновесие без посторонней помощи, но ему это слабо удалось. Зашатавшись, он вновь вынужден был опереться на Джонни.

– Он потерял много крови, ему нужно пойти умыться и немного отдохнуть, – заговорил Джонни, глядя в глаза Луису Ортега – И кто-нибудь, сходите купите ему гранатового соку.

Режиссёр тут же отправил какого-то актера, имени которого Джонни не запомнил, в ближайший супермаркет. Другого парня по имени Бен он попросил проводить Джеймса в туалет, помочь привести себя в порядок и проводить обратно в зал. Мария хотела было отправиться с ними, но Луис Ортега её остановил:

– Бьянка, постой. Ты нужна здесь, прогоним шестую сцену.

Девушка обернулась. Она удивленно подняла брови и слегка насмешливо, как показалось Джонни, спросила:

– Ты что, правда собираешься продолжить репетицию?

Луис Ортега строго взглянул на неё:

– Да. Я понимаю, что все мы на взводе, но если так пойдёт и дальше, спектакль обещает окончиться полным провалом.

– Плевала я на спектакль, – вскричала Мария Росс. – Сначала Тони, теперь Джеймс, не жели они тебя совсем не волнуют?

Она обращалась к режиссёру на "ты" и говорила с ним на равных, но, видимо, на этот разхватила лишнего.

– Бьянка Руссо, если ты еще раз посмеешь заговорить со мной в таком тоне, поверь мне, последствия будут очень печальными, – Он говорил медленно и с расстановкой, не повышая голоса. Но в голосе звучала сталь. Сложно было поверить, что этот самый человек еще сегодня с улыбкой и в прекрасном расположении духа встречал Джонни. Сейчас весь его облик дышал холодом и неумолимостью. Не подчинится ему было невозможно. Мария Росс мгновенно растеряла всю свою уверенность. Она обреченно взглянула по сторонам, на мгновенье встретилась взглядом с Джонни и тяжело вздохнула.

– Простите меня, мистер Ортега. Этого больше не повторится, – она говорила тихо, не поднимая на режиссёра глаз.

Тем не менее, буря миновала. Луис Ортега подошел к девушке и взял её за подбородок:

– И ты прости меня. Бьянка. Я понимаю, как тебе тяжело. Я чувствую то же самое. Но мы должны отыграть на высшем уровне. Ради Тони.

Мария Руссо молча кивнула и медленно направилась за кулисы. Проводив девушку взглядом, Джонни спустился со сцены и вновь занял прежнее место. Но пока она шла, ему пришла в голову странная мысль: "Все шекспировские героини приносят мужчинам одно сплошное горе".

Глава 8

– Мистер Ортега, – раздался голос из зала. Джонни повернул голову – говорила одна из трёх девушек, блондинка. Режиссёр обернулся к ней:

– Да, Эмма.

– Мистер Ортега, вы сказали, что хотите прогнать 6 сцену, но ведь там задействованы и Уильям, и Джеймс, – при упоминании последнего она едва заметно покраснела.

– Не страшно, начнем с момента появления леди Макбет. Нам нужно хорошо прорепетировать все сцены с королём Дунканом. Мистер Дживс еще не совсем освоился со своей ролью, а завтра всё должно быть сыграно идеально.

"Ага, дело принимает интересный оборот. Наконец-то мне представится возможность понаблюдать за предполагаемым убийцей", – Джонни откинулся на кресле, устраиваясь поудобнее, готовый с удвоенным вниманием следить за про-

исходящим на сцене. Но когда там появился Энди Дживс, его ждало разочарование – актеру совершенно не подходила роль убийцы. Как, впрочем, и короля Дункана. Царственности в его облике было столько же, сколько у австралийского ленивца. Джонни поймал себя на мысли, что с его воображением у него тут скоро наберется целый зоопарк. Прочем, и в данном случае он своим сравнением попал в точку – слегка прищуренные глаза, обвисшие щеки и глуповатая улыбка – вуаля, образ ленивца готов. Добавьте этому ленивцу светлую шевелюру – и получите законченный портрет Энди Дживса. Впечатление он и вправду производил отнюдь не царственное. Джонни надеялся, что после первой его реплики он сможет изменить мнение об актёре в лучшую сторону, но этого, увы не произошло. Выйдя на середину сцены, выпятив грудь и став, как ему, видимо, казалось, в царственную позу, Энди Дживс заговорил пронзительным, слишком высоким для него голосом:

– Вот и хозяйка! – при этих словах из-за кулис вышла Мария. Вот она-то имела весьма царственный вид. Энди Дживс продолжил, на этот раз обращаясь к двум другим актерам, вышедшим с ним на сцену:

– Любовь, пусть даже в тягость нам она,
Мы с благодарным чувством принимаем.
Итак, благодарите нас и бога
За тяготы и труд.
Теперь настала очередь Марии Росс:

– Услуги наши,
Хотя б их было дважды вдвое больше,
Ничто в сравненье с той великой честью,
Которой удостоил нас монарх,
Войдя в наш дом. За милости былые
И новые мы вечно будем бога
Молить о вас.

Энди Дживс, он же король Дункан огляделся по сторонам:
– А где же тан Кавдорский?
Чтоб первыми прибыть, мы по пятам
За ним гнались. Но он ездок отменный.
Его к тому же шпорил любовь.
И мы отстали. Милая хозяйка,
Мы –ваши гости.

"Ну этот хотя бы слова помнит", – Джонни мысленно попытался оправдать не самые выдающиеся актерские способности мистера Дживса. К сожалению, он вынужден был признать: Мария Росс была права, когда говорила о том, какую пользу принесла актёру смерть предыдущего исполнителя роли. Зрителям будет всё равно, кто пришел ему на смену. Главное, что предыдущий актёр был убит. Таким образом мотив, хоть и весьма призрачный, но всё же вырисовывался. Джонни решил, что по приезду домой сразу же обсудит это с Фоксом. А сейчас он с удовольствием ловил каждое слово, произнесенное на сцене Марией Росс. Глубоким, хорошо поставленным голосом леди Макбет отвечала королю Дункану:

– Мы как ваши слуги
Себя, своё добро и слуг своих
Считаем вашим полным достоянием
И вам ручаем.

Она прошла по сцене и преклонила колени перед Энди Дживсом. Один Бог знает, каких моральных усилий ей это стоило. Тот не слишком ловко поднял её с колен и проговорил:

– Дайте вашу руку.
К хозяину идём. Он нам угоден
будет нами отличён и впредь.
Прошу вас, госпожа.

Положив её руку поверх своей, в сопровождении двух других актеров, так и не сказавших за всю сцену ни слова, король Дункан увел леди Макбет со сцены.

Несмотря на очевидность того факта, что игра Энди Дживса явно не является образцом актерского мастерства, режиссёр остался доволен сценой. Он похлопал актерам, которые снова вышли на сцену.

– Бьянка, ты, как всегда, восхитительна, – похвала, казалось, не произвела на Марию Росс особого впечатления. Она стояла чуть поодаль от Энди Дживса, скрестив руки на груди и всем своим видом демонстрируя пренебрежение к нему.

Луис Ортега это заметил, потому поспешил добавить:

– Энди, уже гораздо лучше, – Джонни даже побоялся представить, что ж тогда означает в данном случае "хуже". –

Еще разок прогоним, и будет вообще отлично.

Джонни взглянул на часы – была половина пятого. Он и не заметил, как быстро пролетело время. "Пора сматывать удочки, – подумал Джонни. – В шесть заканчивается это жуткое мексиканское мыло Фокса, черт, опять забыл название, оно еще рифмуется с фразой "святые помидоры", точно, "Слеза Исиодры". Нужно успеть вклиниться между сериалом и кроссвордами". Он поспешил к режиссёру и подоспел как раз тогда, когда он собирался объявить повторный прогон сцены.

– Мистер Ортега, не могли бы вы сейчас прорепетировать другую сцену, мне бы хотелось задать мистеру Дживсу несколько вопросов. Это не займет много времени.

Луис Ортега на секунду задумался, но потом все же утвердительно кивнул:

– Энди, спустись сюда, пожалуйста, – крикнул режиссёр.

Энди Дживс быстро засеменил к ним. Видимо, Луиса Ортега он боготворил, потому подчинялся ему беспрекословно. Режиссёр представил ему Джонни.

– Добрый вечер, вы, наверное, слышали, меня зовут Джонни Траст, я расследую убийство. Могу я задать вам несколько вопросов? – он жестом указал Энди Дживсу на кресла. Последний вопросительно взглянул на режиссёра, но тот лишь молча кивнул. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Луис Ортега тем временем вызвал на сцену других актёров, но Джонни не обращал на

них внимание, сосредоточившись на допросе.

– Энди Дживс – это ваше настоящее имя, или псевдоним? – за сегодня он уже столько раз повторил этот вопрос, что на автомате задал его первым

– Настоящее, – мужчина гордо выпятил грудь. – Меня зовут Эндрю Мартин Дживс.

Джонни открыл блокнот. За один день он умудрился исписать половину страниц. Найдя пустую, он, сам не зная зачем, записал полное имя актёра.

– Вы живете в Сан-Франциско?

– Да, я здесь родился. Мой отец основал компанию Дживс Билдинг Корпорейшн еще когда вас и в помине не было.

Джонни сразу понял, что допрос предстоит не из легких. Но после допросов Марии Росс и Джеймса Моргана, Джонни чувствовал себя настоящим ветераном, прошедшим огонь, воду и парочку минных полей. Потому Энди Дживс просто физически не мог произвести на Джонни должное впечатление.

– Меня мало интересует ваша родословная, потому я бы попросил воздержаться от упоминания всех ваших родственников. Отвечайте на мои вопросы по возможности коротко и четко: – Давно вы играете в театре?

– Нет, это моя первая роль. Я, да будет вам известно, в своё время увлекался самыми разнообразными вещами: гольф, конный спорт, шахматы, академический вокал, меня даже называли "Соловей Пасифик-Хайтс", – Джонни мыс-

ленно пожалел несчастных слушателей этого "соловья", – игра на трубе, лепка из глины. . .

– Благодарю, я понял, – поспешил прервать поток Джонни. – Скажите, как вы попали в труппу Луиса Ортега?

– Мистер Ортега искал спонсоров для спектакля, для организации рекламной кампании, оплаты аренды помещения театра и тому подобное. Я заинтересовался проектом, потому решил посетить пару репетиций. Постановка пришлась мне по душе и я попросил его предоставить мне роль. Увы, свободных ролей не обнаружилось, но второй состав я все же мог пополнить. А после смерти этого, как бишь его звали, Бонни Рута, мне досталась одна из главных ролей, – Энди Дживс явно считал это своей личной заслугой. Тем не менее, каждое его слово убеждало Джонни в неспособности этого типа совершить убийство. Даже самое обыкновенное, не говоря уже о свечах на сцене, и остальных обстоятельствах смерти Энтони Бута.

– Вы хорошо знали погибшего?

– Нисколько. Так, перемолвился с ним парой фраз.

– А с кем из труппы вы общаетесь?

– Да практически ни с кем. Вы же понимаете, эти люди – не моего уровня, сближаться с ними – ниже моего достоинства.

– А как вас находят коллеги по цеху? Одно ваше присутствие должно вызывать у них приступ благоговения и восторга, – Джонни не удержался и сейчас жалел о сказанном,

но оказалось, что Энди Дживс не углядел в его словах сарказма потому ответил с легким пренебрежением:

– Они считают меня человеком из высшего общества. Я слеплен из другого теста, можете мне поверить.

"Еще как могу, пончик ты непропеченный", – Джонни начал раздражаться. Он попросту терял время, потому злился одновременно на Марию Росс, Фокса и Энди Дживса вместе взятых.

– Но из всех самая невыносимая – эта молодая выскочка, леди Макбет, – видимо, неприязнь у них была обоюдная. – Но проблема в том, что она здесь царица.

– Что вы имеете в виду?

Он посмотрел на Джонни, явно недоумевая, как можно не видеть столь очевидных вещей:

– Вы что, не заметили? Режиссёр во всём её слушается! Он по уши влюблён в неё, вот что я вам скажу. Эта девица может позволить себе любой каприз. Уж не знаю, чем таким она цепляет, но мужчины от неё без ума. Я признаться, одно время тоже подпал под влияние её чар, но вовремя осознал, насколько пустое это создание.

Джонни сложно было представить себе Энди Дживса, ухаживающим за любой девушкой, а уж за Марией Росс тем более, но теперь хотя бы было ясно, откуда столь явная неприязнь с её стороны.

– Последний вопрос: у вас есть алиби на момент убийства?

– Конечно, я уже говорил полиции. Я в тот вечер был на презентации новой марки часов в отеле. Это может подтвердить по меньшей мере двадцать человек.

– Благодарю, что уделили мне время, – Джонни поднялся и поспешил к режиссёру дабы избежать рукопожатия с Энди Дживсом. Беседы с ним ему вполне хватило. Подождав, пока актеры доиграют сцену, Джонни обратился к Луису Ортега:

– От имени мистера Фокса и от моего собственного, хотелось бы выразить признательность за оказанное содействие в расследовании.

Луис Ортега улыбнулся:

– Вы уж извините за все неприятности. Перед премьерой труппа всегда на взводе, потому мы все немного не в себе.

– Все равно, большое вам спасибо за все.

– Это мой долг перед Тони. Вы уж постарайтесь найти убийцу, хорошо?

– Не волнуйтесь, если за дело берется Фокс, оно обречено на успех, – с этими словами Джонни и режиссёр пожали друг другу руки, и юноша покинул здание театра.

Глава 9

После театра Джонни направился прямо к дому. Видимо, инспектор Гоффри все же не настолько разозлился на Джонни, чтобы бросить Фокса на произвол судьбы, потому как каддилак стоял там же, где Джонни его оставил. Мысленно Джонни пообещал каждое воскресенье месяца при пол-

ной луне возносить молитвы Аллаху, Кришне и всем богам, имена которых сумеет вспомнить. Дома юноша сразу прошествовал на кухню, за весь день он так проголодался, что готов был сейчас съесть целого инспектора Гоффри. К тому же часы показывали четверть шестого, а значит – время мексиканских сериалов еще не прошло. Джонни до сих пор не переставал удивляться, как такой здравомыслящий человек может интересоваться судьбой Марии-Карменситы-Хуаниты-Чихуа-Хуа. Но увы, эта страсть была неизлечимой, потому приходилось просто смириться и ждать, когда же наконец Педро-Хосе-Рикардо-Мартинес сделает предложение Мерседес-Ионите-Нинье (Фокс как раз вчера упорно пытался пересказать Джонни последнюю серию, после чего тому ночью снилась мексиканская свадьба, где невестой выступал Фокс). Дождавшись шести вечера, Джонни поднялся наверх к дяде. Благо, сериал уже кончился, и Фокс просто сидел в кресле и о чём-то сосредоточенно думал. Джонни решил как-то обратить на себя внимание:

– Хэй, босс, – заходя в комнату, Джонни направился к своему любимому креслу в этой комнате и тяжело в него плюхнулся. Фокс недовольно поморщился:

– Ты прервал мои размышления, – зло пробурчал он. Фокс терпеть не мог, когда кто-то мешал его мыслительным процессам. – Что ты хотел?

– Узнать, удалось ли вам получить полицейские отчеты. Ну и самому отчитаться о допросе свидетелей, если вы по-

желаете.

– Насчет первого можешь не волноваться, отчеты я получил и уже успел их прочитать, – Поймав удивленный взгляд Джонни, Фокс прибавил: – Во время рекламы, понятное дело.

– Фух, а то я уж испугался, что вы изменили своим любимым сериалам.

Фокс бросил на Джонни недовольный взгляд, но тот лишь ухмыльнулся и добавил: – Как я понял, к инспектору Гоффри постепенно возвращается способность сидеть.

– То, что мне всё же удалось получить эти отчеты – явно не твоя заслуга. И за что я тебя тут вообще держу?

– За мои красивые глаза и прекрасную улыбку, – осклабился Джонни.

– Черт с тобой, – махнул рукой Фокс. Расскажи мне для начала, как прошла репетиция. Удалось допросить Энди Дживса?

Джонни как можно короче пересказал все события, произошедшие в театре, включая драку между Джеймсом и Уиллом, а также суть диалога между ним и Энди Дживсом. Фокс какое-то время задумчиво накручивал кончики усы на палец.

– Значит, ты считаешь, что Энди Дживс никак не мог совершить этого преступления? – спросил Фокс, чтобы резюмировать рассказ племянника.

– Да, и это не только моё личное мнение, у него железное

алиби, я проверял.

– Хорошо, я и сам не возлагал особых надежд на его кандидатуру. Одно странно... – он на секунду запнулся. – Почему Мария Росс так рьяно его обвиняет?

– Скорее всего причина в его ухаживаниях. Он обмолвился, что пытался к ней подкатить, – Фокс скривился, потому Джонни быстро поправился: – пытался за ней поухаживать, и, видимо, ей его ухаживания пришлись не по вкусу.

– Возможно, а, может, она пытается отвлечь наше внимание от кого-то другого... – Фокс замолчал и, казалось, с головой погрузился в собственные мысли.

Но Джонни не дал дяде уйти в мир фантазий и догадок, задав вопрос:

– И все-таки, полицейские отчеты что-либо дали?

– Не слишком много, но лучше, чем ничего, – Фокс взял в руки листок бумаги, на котором, видимо, выписал наиболее важные моменты. – Полиция, как, впрочем, всегда, сосредоточилась на алиби. Стандартные вопросы: где вы были и что делали 11 сентября с 9 до 10 вечера? Большая часть труппы покинули здание театра раньше, в основном около 8, что подтверждают записи в вахтенном журнале и свидетельства сторожа. Но некоторые задержались – Фокс сверился с листком: – Бьянка Руссо, она же Мария Росс, Джеймс Морган, Уильям Питерс и Роуз Мориси.

– А что насчет режиссера? – неожиданно спросил Джонни, но Фокс тут же ответил:

– Тут загвоздка, режиссер не обязан записывать время ухода в журнал. А сторож не помнит, в котором часу он покинул здание. Сам Ортега утверждает, что ушел в тот день в 8. Такс, Бьянка Руссо играет леди Макбет, – Фокс сказал это скорее для себя, делая пометку на листке, – Джеймс Морган – Макбет. Кого играет Уильям Питерс?

Джонни опешил, не ожидая такого вопроса, но все же ответил:

– Банко.

Фокс сделал еще одну пометку: – А Роуз Мориси?

Джонни вспомнилась рыжеволосая девушка-эльф, которая так заморозила его на репетиции.

– Одну из предсказательниц. Зачем вам всё это? Разве имеет значение, кто кого играет?

– Я не знаю, – ответил Фокс. – Просто интуитивно чувствую, что для понимания актеров, нужно понимать и образы, которые они воплощают на сцене.

– В случае с Энди Дживсом это не работает, – пробурчал себе под нос Джонни, но Фокс проигнорировал его замечание, записав и эти данные. Он взглянул на часы: – Господи, уже почти семь!

– Знаю-знаю, – проворчал Джонни вставая, – время кроссвордов. А мне что в это время прикажете делать?

– Почитай Шекспира, – предложил Фокс. – Мне может понадобится информация.

– Сами и читайте, – Джонни стремительно направился в

коридор, не преминув, выходя, громко хлопнуть дверью.

Спустившись вниз, Джонни было включил телевизор, но затем передумал и подошел к книжной полке. Сверху стояло несколько томов в тёмно-зелёном переплёте, с ярко-золотистой надписью "Шекспир. Комедии, хроники, трагедии, сонеты". Найдя нужный, Джонни выбрал одно из кресел в гостиной и принялся за чтение, подумав перед этим: "Какая же глупая затея. Видимо, Фокс окончательно свихнулся. А ведь я предупреждал, мексиканские сериалы до добра не доведут". Тем не менее, он углубился в чтение. Дойдя до середины, решил сделать перерыв и пошел на кухню сделать себе кофе.

"А ведь Шекспир не так плох, как я думал. Ничего так, живенько. Пол-книжки всего прошло, а главный герой уже успел грохнуть пару ближайших друзей. Интересно, как они изобразят сцену смерти Банко? Уилл на репетиции явно был не в лучшей форме. Сумеет ли он восстановится до премьеры? Но леди Макбет просто нечто. И, черт возьми, никого, кроме Марии я в этой роли не представляю. Ортега не прогадал с выбором".

Джонни вернулся в гостиную и собирался вернуться к чтению, когда услышал голос Фокса, настойчиво зовущий его. Вместо того, чтобы поспешить вверх, Джонни как можно медленнее поставил книгу на место, взял чашку с кофе спокойным шагом направился к Фоксу. Войдя, он нашел дядю на прежнем месте в кресле, но с книгой в руках.

– Вы что, решили приобщиться к достижениям мировой литературы?

Фокс проигнорировал вопрос:

– Ты прочёл "Макбета"?

– Только до середины. Вы, как я погляжу, тоже? И зачем вам понадобился я?

– Хотел поделиться с тобой одной мыслью. У меня изначально возникли некоторые подозрения, но после прочтения я и вовсе укрепился во мнении, что...

Звонок в дверь не дал ему договорить. Джонни удивленно взглянул на Фокса:

– Мы ждём гостей?

– Нет, – Фокс был удивлен не меньше. – Пойди взгляни, кто это.

Джонни спустился вниз и рывком распахнул входную дверь. На пороге стояла заплаканная Роуз Мориси.

Джонни поспешил впустить девушку внутрь. Она ничем не напоминала тот образ, который запечатлелся в его памяти. Ярко-рыжие волосы намокли и беспорядочно разметались по плечам, серая футболка тоже полностью промокла и висела на хрупкой девушке, как на вешалке. Глаза покраснели и опухли, хотя было неясно, то ли это дождевые капли стекают по её лицу, то ли она продолжает плакать. Джонни усадил её в кресло и поспешил на кухню за стаканом воды. Девушка залпом выпила, сделала глубокий вдох и немного успокоилась. Тихим, слегка охрипшим голосом она спроси-

ла:

– Мистер Фокс дома?

Джонни ответил утвердительно и пригласил её следовать за ним. Фокса появление посетительницы так же немало удивило, но он не показал виду и просто указал ей на кресло рядом. Она села. Затем резко поднялась и произнесла с надрывом:

– Мистер Фокс, я прошу, помогите мне!

Фокс поднялся с кресла и подошел к девушке. Положив ей руки на плечи он спокойно произнёс:

– Тише. Я помогу вам. Успокойтесь и присядьте. Джонни, принеси нашей гостье чего-нибудь выпить.

Роуз отрицательно помотала головой. Тем не менее, она сделала глубокий вдох и снова опустилась в кресло. Фокс вернулся на своё место, Джонни достал уже ставший родным блокнот. Девушка повернулась к Фоксу, во взгляде читалась мольба:

– Мистер Фокс, меня зовут Роуз Мориси, я из труппы Луиса Ортега. С моим женихом, я хочу сказать, с Уиллом последнее время стало происходить что-то странное. Понимаете, он будто сам не свой, он... Я так боюсь, Господи, я стала думать, что он... – она прервалась, не в силах продолжать.

Фокс вопросительно взглянул на Джонни, желая дать ей время успокоиться. Джонни на всякий случай решил напомнить:

– Уильям Питерс, как я понимаю. Играет в спектакле Бан-

ко.

Фокс кивнул. Повернувшись к Роуз, он спросил:

– Мисс Мориси, вы хотите сказать, что поведение вашего жениха кардинально изменилось за последние несколько дней?

– Да! – видимо, отвечать на вопросы ей было проще. – Сразу после смерти мистера Брута его будто подменили. Он стал таким рассеянным, постоянно думает о чем-то своем. А сегодня на репетиции и вовсе потерял контроль. Он ударил Джеймса! Мистер Фокс, Уилл никогда не дрался! Он спокойный и уравновешенный, всегда старается избегать конфликтных ситуаций. А тут такое...

Фокс задумчиво покручивал усы. Затем спросил:

– Вы уверены, что перемена произошла именно после смерти Тони Брута?

– Уверена. Еще в тот вечер, сразу после репетиции он отказался перекинуться со мной даже парой словечек и молча ушел спать. На следующий день он отправился в театр прямо с утра, не дождавшись меня. Такого никогда не было, мы ведь живем вместе. А когда я приехала в театр и попыталась узнать, что произошло, он просто развернулся и ушел! Без каких-либо объяснений! Но что самое худшее, он стал кричать ночью. В основном слов не разобрать, но одно было слышно очень четко. Кровь. Представляете, в каком я напряжении последние несколько дней?

Роуз Мориси и правда выглядела больной. На сцене этого

было не видно, но вблизи были отчетливо видны круги под глазами, а сами глаза выделялись на худом лице, как два фонарика. Она сидела, опустив плечи, и казалась беззащитной и одинокой. Фокс нарушил наступившее было молчание:

– Я вам очень сочувствую, но, честно говоря, я не совсем понимаю, чем я могу помочь?

Девушка посмотрела Фоксу прямо в глаза:

– Уилл пропал!

Джонни не ожидал такого заявления и от неожиданности чуть не выронил блокнот:

– Как пропал? Когда?

Теперь Роуз повернулась к Джонни:

– Вы помните, после того инцидента с Джеймсом, Уилл выскочил из зала. Я хотела пойти за ним, но не успела. К тому же ему иногда хочется побыть в одиночестве, и я не хотела ему мешать. Но прошел час, а его всё не было. Я заволновалась и пошла его искать. Никто из труппы его не видел, к тому же, было уже семь часов, актеры начали постепенно расходиться. Я хотела попросить мистера Ортега поискать Уилла вместе со мной, но в тот момент он как раз вышел. Я оббегала всё здание театра, но так его и не нашла. Наконец возле гримёрных я натолкнулась на мистера Луиса, вместе мы еще раз обошли всё здание, но не нашли никаких следов. Сейчас уже так поздно, я не знаю, что думать...

– Вы говорили со сторожем? Может, он просто ушел домой пораньше?

– В том-то и дело! Уилл не выходил из здания театра! Сто-
рож в этом абсолютно уверен, он ни на минуту не покидал
поста.

"Он вполне мог мирно дрыхнуть у себя в аквариуме", –
про себя подумал Джонни, но вслух ничего не сказал. К тому
же встреча с "инспектором охранных служб" в лице Джонни
должна была отбить у сторожа охоту спать на рабочем месте.

– Получается, он всё еще в здании? – решил уточнить
Джонни.

– Именно! – глаза Роуз наполнились слезами. – Мистер
Фокс, я боюсь, что он мог совершить нечто непоправимое.

– Прошу прощения, мисс, за мой вопрос, но не опасаетесь
ли вы, что он мог оказаться на пути убийцы?

Видимо, такая мысль не приходила ей в голову, так как
она медленно перевела взгляд с Джонни на Фокса и обратно,
будто смысл сказанного доходил до неё постепенно. Она за-
мотала головой:

– Нет, только не это! Господи, вы же не думаете, что он...
Что его могли...

– Мисс Мориси, я пока ничего конкретного не думаю, –
спокойно проговорил Фокс. Джонни всегда восхищала спо-
собность босса сохранять достоинство при любых обстоя-
тельствах. – Но я думаю, нам лучше поспешить, – он резко
поднялся с кресла и направился к двери.

– Босс, что вы собираетесь делать?

– Собирайся Джонни, мы едем в театр.

Глава 10

Втроём они быстро зашагали вниз по Ломбард-стрит. Было почти 10, улица была пустынная. Джонни быстро завёл машину и рванул в сторону Голден-Гейт-авеню. Фокс, сидящий на переднем сидении, обернулся к Роуз Мориси:

– Мисс Мориси, пока мы в пути, не могли бы вы ответить на пару вопросов? Заодно, это немного отвлечет вас.

Девушка устало взглянула на Фокса, но затем решительно кивнула.

– Конечно, спрашивайте.

– Мисс Мориси, вы хорошо знали убитого Тони Брута?

Она замотала головой: – Совсем напротив, мы едва ли перекинулись парой слов. Дело в том, что я в труппе совсем недавно, до этого я играла у Мэтью Гронна. Совместных сцен с мистером Бутом у нас не было, а возможность пообщаться вне сцены, увы, так и не представилась. Но он был хорошим человеком, правда. Он часто помогал Уиллу в сложных сценах, подсказывал эффектные жесты, репетировал с ним интонацию.

– Выходит, с мистером Питерсом у них были дружеские отношения?

– Не то что бы... – Роуз Мориси задумалась. – Пожалуй, можно и так сказать. Но это скорее была не дружба, а наставничество. Уилл очень ценил советы мистера Бута, да и как человека он его очень уважал.

– Между ними не было никаких серьезных размолвок в

последнее время?

– Да нет, с чего вы взяли?! – девушка искренне удивилась. Затем бросила быстрый взгляд на Джонни: – Ну да, Уилл и правда бывает чересчур эмоционален в некоторых моментах, но вы не думайте, что он без повода на людей бросается. К тому же, с мистером Бутом просто невозможно было ссориться. Он был совершенно неконфликтным человеком, всегда сохранял спокойствие.

– Он вообще ни с кем из труппы не ссорился? А как насчет Джеймса Моргана?

– С Джеймсом? – этот вопрос еще более удивил девушку. – Да ни разу! Они были не разлей вода, Уилл даже ему немножко завидовал, но так, по-доброму. Просто у Джеймса главная роль, вот мистер Бут и помогал ему постоянно. А еще мистер Бут очень любил Марию, то есть Бьянку, нет, вы не подумайте, ничего такого, он ее как дочь любил, своих детей-то у него не было, а Бьянка сирота. И он очень хотел, чтобы Бьянка и Джеймс поженились, я слышала несколько раз, как он шутил про то, когда ж они наконец заведут детишек, а то на сцене что-то стало слишком уж тихо.

Фокс минуту помолчал, обдумывая услышанное. Затем переменял тему:

– Еще один вопрос. Согласно полицейским отчётам, вы с мистером Питерсом задержались в день убийства в театре, это так?

Девушка смутилась, но в темноте не было заметно, как

она покраснела. Тем не менее, она ответила:

– Да, мы были у меня в гримёрке.

– В котором часу вы ушли?

– Около девяти. Мы вышли вместе, но затем я вспомнила, что забыла сумочку в зале. Уилл вернулся за ней, я ждала его снаружи.

– Сколько времени его не было?

Роуз Мориси недоверчиво взглянула на Фокса, но ответила:

– Около пятнадцати минут. Может, чуть больше. А почему вы спрашиваете?

– Просто пытаюсь восстановить хронологию событий того дня.

Девушка поспешила добавить: – Просто зал ведь огромный, а я не была уверена, что забыла её там, а не в гримёрке. Вот он и искал её так долго.

– Когда он вернулся, вы не заметили никакой перемены в его поведении?

– Возможно... – протянула девушка. – Но я тогда не обратила на это внимания, уже дома, когда он не стал со мной разговаривать, я заметила неладное. Мистер Фокс, вы же не думаете, что мой жених – убийца?

Ответить Фокс не успел. Джонни резко затормозил, и все трое поспешно вышли на улицу. Ночью здание театра выглядело устрашающе, Роуз Мориси поёжилась, хотя не понятно, то ли от страха, то ли от холода. Фокс взглянул на часы:

– Сейчас почти воловина одиннадцатого, сторож еще не начинал обход. Надеюсь, он нас пропустит. У вас есть ключи от гримёрки, если вдруг что?

– Нет, ключи мы все сдаём на вахту. Но думаю, с Гарри проблем не будет, он пойдет нам на встречу.

– Если только не будет спать, – пробормотал Джонни. О том, насколько сложно разбудить Гарри Мидса, Джонни знал не понаслышке.

– Не будем терять времени, – Фокс подошел к двери и громко постучал.

Несколько мгновений казалось, что никто не подойдет, но наконец из-за двери послышались тяжелые шаги. Затем раздался немного заспанный голос сторожа:

– Кто здесь?

– Детектив Фокс, мы с вами беседовали сегодня днём.

– Мистер Фокс?

– Да, а также мой помощник Джонни Траст. Вы не могли бы нас впустить ненадолго?

– А зачем вам? – Гарри Мидс еще не окончательно проснулся. Этим и воспользовался Фокс.

– Со мной здесь одна из актрис, она забыла сумочку в зале и попросила меня помочь ей её отыскать. Это займёт всего пару минут.

На минуту стало тихо, сторож обдумывал, как поступить в данной ситуации. Потом, видимо всё же решившись, открыл двери.

– Мистер Фокс, постарайтесь только поскорее, а то мне в 11 обход делать надо, – Гарри Мидс решил, видимо, покорится судьбе (в лице Фокса) и распахнул входную дверь пошире. Вся троица вошла внутрь. Там было темно, коридор освещал только тусклая настольная лампа в комнате охранника. Гарри Мидс переводил вопросительный взгляд с Фокса на Джонни. На Роуз Мориси он взглянул лишь мельком.

– Мистер Мидс, – обратился к охраннику Фокс. – Не могли бы вы ненадолго одолжить мне свои ключи? Поиски займут не больше 10-15 минут, а я не хочу вас утруждать.

Гарри Мидс было собирался возразить, потому Фокс поспешил добавить:

– Мне так неловко, что мы отнимаем ваше время, но, чем скорее мы найдём сумочку мисс, тем быстрее мы вас покинем.

Сторож еще пару секунд обдумывал ситуацию, но наконец достал связку ключей и протянул их Фоксу.

– Возьмите, мистер Фокс. Но я очень вас прошу, будьте там поосторожнее. Я не из пугливых, но этот зал ночью пугает меня до полусмерти.

– Не волнуйтесь, мы очень скоро вернемся, – заверил его Фокс и направился к центральному входу в зал. Роуз и Джонни последовали за ним.

Оказавшись внутри, всех троих поразила царящая в зале тишина. Погруженное во тьму, это место и правда было жутким, но Джонни поспешил нажать выключатель рядом с

дверью. Сразу же загорелось несколько светильников на стене, осветив помещение. Зал был абсолютно пуст, но на сцене уже стояло несколько декораций, изображающих каменную стену замка и убранство комнаты изнутри. Фокс не стал терять времени даром и поспешил напрямик к сцене. Роуз побежала следом, на ходу повторяя:

– Мистер Фокс, на сцене его быть не может, я всё тут осмотрела. Нужно искать в другом месте.

– А я и не думал искать его в этом зале. Мне кажется, я знаю, где ваш жених, – ответил ей Фокс. Он уже был рядом со сценой и быстрым шагом поднялся наверх. Не дожидаясь Джонни и Роуз, он свернул направо, в сторону мужских гримёрных. Они догнали его только у дверей в гримёрную Джеймса Моргана.

– Фокс, вы же не думаете, что он там? – Джонни слегка запыхался, вечернее поедание гамбургеров не слишком положительно повлияло на его физическое состояние.

– Именно это мы сейчас узнаем, – Фокс достал связку ключей и зажег фонарик (Джонни понятия не имел, откуда он у него взялся, но решил выяснить это позже). При свете фонаря стало видно, что на связке было около 20 одинаковых по форме ключей, но внизу на одних были зелёные полоски, на других – красные. Присмотревшись поближе, Фокс обнаружил помимо полосочек еще и буквы. Он стал по очереди просматривать ключи с зелёной полоской. Наконец победоносно изрёк:

– Смотрите, Дж. М. Проверим.

Он решительно вставил ключ в замочную скважину и дважды провернул. Ключ подошел и дверь распахнулась. Фокс первым вошел внутрь и осветил. На полу лежал человек, рядом с ним была лужа крови. Роуз вскрикнула. На полу лежал Уильям Питерс. Джонни нажал на кнопку выключателя справа от двери. Комната наполнилась светом. Отойдя от шока, Роуз кинулась к лежащему юноше, но Фокс опередил её. Опустившись на колени, он осторожно перевернул его и, наклонившись, приложил ухо к груди Уильяма.

– Пульс есть, – наконец произнёс он.

– Спасите его! Мистер Фокс, умоляю, – Роуз упала на колени и разрыдалась.

Джонни присел рядом и тихо спросил:

– Босс, он выживет?

– Да, но нужно торопиться, он потерял много крови. Взгляни сюда, – он показал Джонни на руку юноши. Вся кровь вытекла оттуда.

– Боже, да ведь он перерезал себе вены!

Фокс сохранял спокойствие и четко давал указания:

– Джонни, мне нужен твой ремень. Повреждены и вена, и артерия, нужно наложить два жгута. Отлично, вот, приподними его руку, – пока Джонни держал руку Уильяма, Фокс туго затянул один ремень выше, а другой ниже раны.

– Нужно вызвать скорую, – Джонни совсем не улыбалась перспектива объяснять врачам причину несостоявшегося су-

ицида, но это было необходимо.

– Не нужно, – ответ Фокса привёл его в замешательство. – Я сам продезинфицирую рану.

– Но вы же не врач! – подала голос Роуз. Она перестала плакать и теперь смотрела в упор на Фокса. Казалось, она пытается прожечь дырку и него в затылке.

– Я прошел курс интенсивной подготовки в Сан-Францис-Мемориал Хоспитал. Не переживайте, я знаю, что делаю. В больницу его лучше не везти. К тому же мы успели вовремя. И к счастью, – он слегка улыбнулся, – мистер Питерс не знает, что вены нужно резать вдоль, а не поперёк.

Фокс послал Джонни за охранником, чтобы тот принёс воды и аптечку. При виде лужи крови на полу у Гарри Мидса подкосились ноги, и он был вынужден опереться на стену.

– Мистер Мидс, – обратился к нему Фокс. – Я хотел бы попросить вас никому не сообщать об увиденном. Это очень важно. Вы выполните мою просьбу?

Сторож слабо кивнул. Джонни пришло в голову, что попроси его Фокс в этот момент продать родину и укатить в Тимбукту, тот бы всё равно согласился. Видя, что Гарри Мидс не в состоянии сейчас что-либо делать, Джонни забрал у него ведро с водой и тряпку и принялся отмывать пол. Лужица оказалась не столь внушительной, какой казалась на первый взгляд, но всё же потребовалось время, чтобы от неё не осталось и следа. Фокс в этот момент доставал из аптечки шприц и перекись водорода. Набрав средство в шприц, он

снял иглу и вставил шприц в рану. При нажатии поршня перекись выпрыснулась под напором, благодаря чему рана очистилась от бактерий и вирусов. После чего с помощью бинта он наложил крепкую повязку. Затем повернулся к Роуз, которая всё это время напряженно следила за его действиями.

– Мисс Мориси, я сейчас отвезу вас обоих домой. Как только мистер Питерс очнётся, дайте ему выпить вина или хотя бы гранатового сока.

– Значит, он скоро очнётся?

– Да, и с ним всё будет в полном порядке. Есть только одна загвоздка. Как только мистер Питерс очнётся, я подозреваю, что он сразу же поспешит вернуться в театр. Ведь завтра премьера, если не ошибаюсь.

Роуз обхватила руками голову:

– Господи, я совсем забыла. Что же делать, ведь у Уилла главная роль, а заменить его некому...

– Мисс Мориси, – прервал её Фокс. – Его никто не будет заменять, он сам выйдет на сцену. Так вот, всё, что от вас требуется – не мешать ему. Мой помощник заедет за вами утром и отвезёт в театр.

– Но ведь Уилл будет еще слишком слаб!

– Потому я и прошу напоить его гранатовым или вишневым соком, вино все же лучше пока не давать, ему же на сцене потом выступать. И да, хорошенько его накормите.

– Но если он всё же не захочет выступать?

– Поверьте мне, мисс. Он захочет.

После того, как они помогли Роуз поднять Уильяма Питерса на третий этаж (Джонни возблагодарил Аллаха и святых ёжиков за то, что пара жила не на девятом, так как в доме не работал лифт), Фокс с племянником поехали обратно домой. Была полночь, но, несмотря на столь поздний час, на дорогах всё равно было достаточно много машин. Стоя на светофоре в ожидании зелёного света, Джонни спросил:

– Вы думаете, это Уильям убил Тони Брута, а теперь раскаялся и решил покинуть этот бренный мир? Но каков его мотив?

– Как ты верно заметил, Джонни, – ответил Фокс, задумчиво глядя перед собой, – мотив в этом деле – ключ к разгадке. И в его поисках мне очень помогла мисс Мария Росс. А также чтение Макбета.

– Что вы хотите этим сказать? – не поверил своим ушам Джонни.

– Только то, что я знаю, кто убийца. Но мне нужны доказательства. Не могу же я предъявить обвинения просто заявив – разгадку мне подсказал Шекспир.

Глава 11

Утро воскресенья выдалось таким же пасмурным. Проснувшись в 8 утра, Джонни с грустью подумал, до чего хорошо бы сейчас оказаться где-то на Багамах, в окружении загорелых красавиц лежать на пляже и лениво попивать коктейль. Вместо этого он лениво поплёлся на кухню попивать

кофе. К его удивлению, Фокса дома не оказалось.

"И куда его нелегкая потянула в такую рань?", – подумал Джонни, выдавливая пасту на щетку. Вместо щетки паста почему-то попала на коврик, умывальник, в общем, куда угодно кроме самой щетки. Джонни решил всё свалить на недосып, магнитные бури и Фокса. Фокс вообще всегда и во всем виноват, так-то. Наконец приведя себя в порядок Джонни пошел к стоянке, хотя и слабо верил, что Фокс оставил кадди ему. Оказалось, что всё-таки оставил.

– Фокс не перестаёт сегодня удивлять, – пробормотал себе под нос Джонни, заводя мотор. После чего направился напрямик к жилищу Роуз Мориси и Уильяма Питерса.

Припарковавшись возле входа, Джонни подошел к двери и собирался было позвонить, но тут дверь распахнулась сама и прямо перед Джонни оказались Роуз и Уильям собственной персоной. Девушка шла первой, Уилл шел, опираясь на её руку. При виде Джонни Уильям отшатнулся, а Роуз, наоборот, просияла:

– Мистер Траст, прошу вас, уговорите Уилла побыть дома. Ему нельзя в таком состоянии ехать в театр, он еще слишком слаб, – она смотрела на Джонни, во взгляде читалась мольба.

– Мисс Мориси, я бы...

Но Уильям не дал Джонни ответить, сказав тихо, но отчетливо:

– Мы едем в театр, Роуз. Никаких возражений.

Джонни вспомнил вчерашние слова Фокса, в очередной

раз поразившись способности дяди предугадывать будущее. И поспешил добавить:

– Мистер Питерс, я не собираюсь вас отговаривать, я лишь хочу отвезти вас в театр.

Уильям, видимо, не ожидал такого поворота, потому лишь слабо кивнул, пребывая в шоковом состоянии. Роуз же поняла, что спорить бесполезно, потому, вздохнув, сказала:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Уилл, – отвернувшись, девушка не заметила, какая гримаса исказила лицо парня в этот момент. Но от Джонни выражение безнадежности на лице Уильяма не ускользнуло. Он решил по дороге попытаться выведать причины, побудившие юношу вскрыть себе вены.

Но миссия, увы, оказалась невыполнимой. Все попытки Джонни начать разговор разбивались о стену молчания. Даже Роуз помалкивала, иногда односложно отвечая на вопросы Джонни. Наконец он решил бросить это гиблое дело и предоставить всё Фоксу. "В конце- концов, кто из нас двоих известный детектив?", – подумал Джонни и сильнее вдавил педаль газа. Но на некоторое время поездка всё же растянулась, из-за пробки на соседней улице. Джонни решил предпринять последнюю попытку:

– Мистер Питерс, вы уверены, что сможете выступить сегодня, после того, что произошло вчера?

Уильям Питерс как-то странно посмотрел на Джонни, долгим взглядом, в котором, как показалось Джонни, мельк-

нула просьба о помощи. Хотя, возможно, ему это лишь показалось, ибо парень почти сразу ответил:

– Да, я буду выступать. И прошу вас, не задавайте вопросов, я про себя повторяю роль.

Наконец в 10 утра они добрались до здания театра. Войдя внутрь, Джонни поразился царящей вокруг суматохе. Все куда-то спешили, бежали, кричали, что-то несли и тащили, в общем, театр походил на громадный муравейник. Даже сторожу нашли работёнку, и тот с трудом пытался протиснуться между снующими тут и там людьми, неся под мышкой большую картонку. С его комплекцией манёвр оказался весьма сложным, он постоянно натыкался на кого-то из актёров и смущенно бормотал извинения. Джонни протиснулся к нему и, стараясь перекрычать шум вокруг, спросил:

– Вы не видели Фокса?!

– Со вчерашнего дня, вернее ночи, нет, сер!

"И куда он мог запропасться?" – размышлял Джонни, прочищая себе дорогу к выходу. Роуз с Уиллом уже благополучно добрались до своих гримёрных, потому на время о них можно было не беспокоиться. Джонни как раз собирался открыть дверь, когда она сама распахнулась и на пороге возник Фокс. Он выглядел очень довольным.

– Где вы были? – спросил Джонни, сделав шаг назад.

Фокс молча вошел внутрь, проигнорировав вопрос. Но потом всё же ответил:

– Опрашивал свидетелей. И весьма успешно, как оказа-

лось.

Джонни не имел ни малейшего понятия, кого Фокс мог спрашивать, если все свидетели находились внутри театра. Но Фокс не дал ему задать вопрос, на ходу бросив:

– Мне нужно поговорить с Марией Росс.

– Вы думаете, это сейчас реально? – Джонни недоверчиво взглянул на толпу у входа в главный зал.

– Это необходимо. Пошли найдём её.

Поиски заняли достаточно много времени, так как людей в театре было пруд пруди, от работников сцены, гримёров и костюмеров, до актёров и режиссёра. На последнего они наткнулись в коридоре с женскими гримёрными, он разговаривал с одной из актрис. При виде Фокса и Джонни, он прервал разговор и сказал девушке, чтобы она шла переодеваться.

– Простите всю эту суматоху, – Луис Ортега выглядел уставшим, но счастливым. Наконец-то его детище увидит широкая публика. – В день премьеры всё всегда идёт наперекосяк. Нужно успеть прогнать всё еще раз перед самым выступлением. Но собрать всех актёров в этом сумасшедшем доме – задача не из лёгких.

– Мистер Ортега, мы ищем мисс Росс.

– Бьянку? – Луис Ортега искренне удивился. – Зачем она вам?

– Мне нужно задать ей пару вопросов, это не займёт много времени. Вы её не видели.

Казалось, секунду режиссёр колебался, но затем принял

решение:

– Хорошо, но только быстро. Начало спектакля в два, до часу нужно успеть прорепетировать. У вас есть минут 15, Бьянка как раз пошла к себе в гримёрную.

– Огромное вам спасибо, – поблагодарил его Фокс, но Луис Ортега, казалось, полностью погрузился в свои мысли. Взгляд его был направлен в сторону двери гримёрной Бьянки Руссо.

Фокс, постучал. Из-за двери донеслось: "Входите". Фокс зашел внутрь, за ним Джонни. Девушка сидела за туалетным столиком и расчёсывала волосы. Выглядела она прелестно, на ней уже был надет концертный костюм. Алое бархатное платье, плотно облегалo фигуру, оставляя плечи и шею открытыми. Черные волосы девушка еще не уложила, потому они беспорядочно рассыпались по плечам.

– Простите, что помешали, мисс Росс, – извинился Фокс, – но нам нужно с вами поговорить.

Девушка насторожилась, но рукой указала Фоксу на второй стул. Джонни остался стоять.

– О чем вы хотите со мной поговорить?

– О том, зачем вы солгали полиции и мне.

Фраза Фокса застала врасплох не только Марию Росс, но и Джонни. Девушка прерывисто задышала и заговорила, запинаясь:

– Я... Я не понимаю, что... Что вы хотите этим сказать?

– Мисс Росс, дело в том, что я ознакомился с вашими по-

казаниями, в которых сказано, что вы покинули здание театра в четверг вечером в 9-30, вместе с мистером Морганом.

– Да, так всё и было, – она старалась говорить уверенно, но голос всё равно дрожал.

– Это ложь, и вы это знаете. Вчера вечером и сегодня утром я говорил со всеми жильцами этого дома. У многих окна выходят на главную улицу, из них открывается замечательный вид на территорию перед входом в театр. Так вот, двое человек готовы свидетельствовать, что в тот вечер здание покинула молодая девушка, её описание полностью соответствует вам, мисс, вот только не в 9-00 а в 8-30 И вот еще что – девушка была одна. Как вы можете это объяснить? И потом, вы солгали насчёт алиби мистера Моргана. Вы сказали, что в момент убийства вы занимались любовью в гримёрной мистера Моргана, но вас там не было. Вы покинули театр гораздо раньше. Почему вы солгали?

– Я не буду отвечать на ваши вопросы, – девушка скрестила руки на груди, но прерывистое дыхание выдавало её волнение.

– Мисс Росс, вы можете не отвечать, за вас скажу я, а вы поправьте меня. если я не прав. Всем вашим поступкам есть одно простое объяснение. Вы старательно выгораживаете Джеймса Моргана. Сначала вы постарались направить моего помощника по ложному следу, обвинив в убийстве Энди Дживса, затем пришли на помощь мистеру Моргану, когда ему нужно было алиби, вы так стараетесь обелить его, что

у меня сложилось впечатление, что вы считаете своего возлюбленного убийцей.

Мария Росс закрыла лицо руками. Было видно, что Фокс попал прямиком в цель.

– Мистер Фокс, я прошу вас, не делайте скоропостижных выводов.

– Но вы же сами их уже сделали!

– Я не верю в то, что Джеймс убил Энтони. Но вы все могли так подумать, потому что у него нет алиби. Вернее, оно есть, но оно настолько неправдоподобное, что не убедит даже ребёнка.

– И всё же, мисс Росс, – Фокс ободряюще улыбнулся девушке, стараясь поддержать её, – расскажите нам про это алиби. Возможно, оно окажется не таким уж неправдоподобным.

– Хорошо, я и правда ушла в тот вечер домой одна, так как думала, что Джеймс ушел без меня раньше, и что мы каким-то образом умудрились разминуться. Но, когда он через час пришел домой, он сказал, что я не поверю, что с ним приключилось. Кто-то по ошибке закрыл его в его же гримёрке! Мы решили, что это чья-то глупая шутка, но, когда обнаружили тело Энтони, я поняла, что никто не поверит в алиби Джеймса, поэтому и выдумала историю с сексом. Мистер Фокс, – Мария Росс умоляюще взглянула на Фокса, – прошу вас, скажите, что вы мне верите!

– Я благодарю, что вы сказали правду, но у меня остался

еще один вопрос. Скажите, вы с мистером Джеймсом обручены?

Мария Росс опешила: – Откуда вам это известно?! Об этом знает лишь пара человек! Кто вам сказал?!

– Это не имеет значения, но всё же – это правда?

– Да, – она обреченно опустила голову. – Мы обручились за пару дней до смерти Энтони. Сейчас я уже не уверена, правильное ли это было решение. Даже моя вера не безгранична. Мистер Фокс, вы правда считаете, что Энтони убил Джеймс?

Но ответить Фоксу не дали. В гримёрную вбежала девушка-брюнетка, что играет одну из провидиц:

– Бьянка, срочно на сцену, у нас финальный прогон!

Она порывисто поднялась, и поспешила к выходу, но возле дверей обернулась: – Мистер Фокс, вы же не будете никого обвинять до выступления?

Фокс покачал головой, Марию Росс удовлетворил его ответ, и она вышла. И лишь Джонни слышал фразу Фокса, произнесённую затем: – Нет, я дождусь премьеры, ибо это выступление запомнится зрителям надолго.

Глава 12

Зал был полон. Публика заполнила всё пространство, отчего зал как будто уменьшился в размерах. Все билеты были распроданы, все места заняты. Еще бы, произошедшее убийство привлекло к спектаклю такое внимание публики, что каждый мечтал попасть на премьеру. До начала выступления

оставалось несколько минут, уже прозвучал второй звонок. Декорации установлены, освещение настроено, актёры готовы к выходу. Джонни с Фоксом расположились за кулисами, но отсюда им хорошо был виден зал, а так же большая часть сцены.

– Джонни, – вдруг обратился к племяннику Фокс. – Вызови сюда инспектора Гоффри, да поскорее.

Джонни немало удивился, но поспешил исполнить поручение. Вернувшись, он видел, что спектакль начался. Первая сцена изображала конец битвы, из которой Макбет и Банко вышли победителями. Джеймс держался уверенно, отыгрывая сцену на высшем уровне. Говорил он слегка в нос, но, видимо, травма всё же не была столь серьёзной, а гримом удалось скрыть синяк. Уильям, хотя и отошел после неудавшейся попытки суицида, всё еще был немного слаб. Но дрожь в голосе не было, слова звучали громко и чётко. В зале воцарилась тишина, все внимание публики сосредоточилось на двух ключевых персонажах.

– Фокс, – прошептал Джонни, – вы что, собираетесь арестовать Джеймса Моргана сразу после спектакля?

Так же шепотом, Фокс ответил: – Джонни, будь начеку, я опасаясь худшего. Нам предстоит предотвратить еще одно убийство.

– Что?! – Джонни чуть было не закричал, но вовремя осёкся. – Вы что, думаете, что Морган убьёт кого-то прямо на сцене?

Фокс не ответил на вопрос, лишь сказав: – Внимательно следи за Уильямом.

Тем временем на сцене появились три провидицы. На сей раз Уилл не запнулся, а произнёс все реплики без запинки, хоть Джонни и показалось, что в голосе парня звучало отчаяние. Зрители были в восторге, сцена предсказания вызвала бурю оваций. Под громкие аплодисменты, Макбет и Банко уходили со сцены. Джеймс Морган шел первым, за ним следовал Уильям. Джонни было подумал, что зря Фокс поручил ему следить за парнем, когда в руке у того что-то блеснуло. Не теряя времени даром, Джонни рванул наперерез. И как раз вовремя. Уилл занёс нож, метя в спину ничего не подозревающего Джеймса Моргана. Джонни схватил парня за руку, выкрутив её. Нож выпал из его руки и покатился по сцене. В это время подоспели инспектор Гоффри и Фокс. Из-за кулис выбежали три девушки-провидицы, с другой стороны вышла Мария Росс. Ничего не понимающие зрители молча следили за происходящим на сцене, гадая, часть ли это сценария, или же всё происходит на самом деле.

– Что здесь происходит?! – из-за кулис спешил Луис Ортега. Он переводил взгляд с Уилла на Джеймса, затем на Джонни, и наконец остановился на Фоксе. Фокс не заставил себя ждать, проговорив:

– Я ожидал, что наш убийца попытается совершить сегодня еще одно преступление. Вот только на сей раз – чужими руками.

Все изумлённо уставились на Фокса.

– Да, дамы и господа, наш убийца – не Уильям Питерс, который на самом деле является жертвой, убийца – вот он, – с этими словами Фокс указал рукой на Луиса Ортега. Все окружающие ахнули. Мария Росс смотрела на режиссера широко раскрытыми глазами. Воцарилась абсолютная тишина. Луис Ортега взглянул на Фокса и нервно рассмеялся:

– Вы что, шутите?! Какая нелепость! Откуда вообще такая бредовая мысль?

– Сейчас я всё объясню. Я утверждаю, что этот человек убил Энтони Бута, затем попытался обвинить в его убийстве Джеймса Моргана, но, когда это оказалось невозможным, решил шантажом заставить другого юношу совершить преступление. Он угрожал вам, мистер Питерс?

Уильям Питерс секунду молчал, будто собирая силы в кулак, затем на одном дыхании выпалил:

– Он пригрозил убить Роуз! – девушка вскрикнула, Уильям прижал её к себе, будто стараясь защитить.

– Вот видите. Но, как я понимаю, все ждут объяснений, – он обвёл глазами всех, кто находился на сцене. Что ж, я постараюсь изложить всё максимально точно. Дело в том, что мистер Ортега уже несколько лет влюблён в мисс Бьянку Руссо, она же леди Макбет, – Мария Росс побледнела, от удивления её глаза раскрылись ещё шире. Но она не произнесла ни слова. Фокс продолжил: – Так вот, всё было в порядке, пока девушка не заводит роман с исполнителем главной

роли, с Макбетом – Джеймсом Морганом. Луис Ортега старается отдалить их друг от друга, но всё напрасно – молодые люди влюбляются. Мало того, они решают пожениться. Об этом радостном событии они объявляют в узком кругу друзей, среди которых были и Луис Ортега с Энтони Бутом. Мистер Брут искренне рад за молодую пару, мисс Руссо он любит, как родную дочь, Джеймса Моргана он уважает, всё складывается наилучшим образом. Вот только не для Луиса Ортега. Он решает во что бы то ни стало расстроить свадьбу. Для этого он пытается подстроить так, чтобы Джеймса застали за изменой. Он давно заметил, что одна девушка из труппы – мисс Эмма Ланс, – Фокс рукой указал на одну из предсказательниц, блондинку, – равнодушна к мистеру Моргану. Он устроил так, что Джеймс оказался один у себя в гримёрной (увы, я не знаю, как он его туда заманил, возможно, предложил отрепетировать какую-то сцену), в любом случае, мистер Морган был один в комнате, куда Луис Ортега поспешил направить мисс Ланс, настаивая на том, что это сам Джеймс попросил её прийти к нему, и что девушке следует быть настойчивой...

– Это всё ложь! – вскричал Луис Ортега. Всё его самообладание спало с него, будто маска.

– Нет, это правда, – Эмма Ланс шагнула вперёд. Затем обратилась к Марии: – Ты очень счастливая, береги Джеймса, он тебе верен.

Фокс поспешил вернуться к прерванному монологу:

– По-видимому, разговор режиссёра с мисс Ланс случайно услышал мистер Брут, который, ясное дело, высказал режиссёру всё, что он думает по этому поводу, а так же, как я полагаю, собирался рассказать всё Марии. Это оказалось его роковой ошибкой. В кармане у Луиса Ортега оказался нож с репетиций, горячая испанская кровь закипела в жилах, он выхватил нож и несколько раз ударил мистера Брута. Немного отойдя от шока, он стал лихорадочно соображать, что делать. Ответ пришел сам собой. Обставить всё так, будто это убийство произошло прямо на сцене (как, впрочем, оно и было). Подумать только, какая замечательная реклама для спектакля. сколько зрителей соберется. Вот только вышел небольшой прокол – вернувшийся за сумочкой Уильям Питерс видел мистера Ортега. Он действует молниеносно. Угрожает убить мисс Роуз Мориси в случае, если Уильям кому-либо проговорится. Дальше Луис Ортега действует мастерски. Он быстро выдвигает на середину сцены кровать, переодевает убитого в концертный костюм и кладёт его на ложе. Затем ставит вокруг кровати свечи и зажигает их. Вытирает с пола кровь, чтобы никто не догадался, где именно убили несчастного. Затем спешит укрыться в ближайшей гримёрной. Будучи режиссером, у него были дубликаты всех ключей, это могут подтвердить многие члены труппы. Так вот, ближайшей оказывается гримёрная мистера Моргана. В голову мистера Ортега приходит еще одна блестящая мысль – почему бы не сделать так, чтобы в убийстве заподозрили

Джеймса? Алиби у него всё равно не будет, не признается же он Марии, что был в это время с другой, нож найдут у него в гримёрной. Спрятав оружие убийства, он дождался, пока сторож не начал обход, затем выскользнул в коридор и, воспользовавшись своим ключом, спокойно ушел домой. Полиция начинает расследование, затем подключаемся и мы. Мистер Ортега спешит рассказать нам о мнимой ссоре, якобы происшедшей между убитым и мистером Морганом, а также уверяет, что у того был мотив – якобы мистер Бут был влюблён в его невесту. Ситуация достигает своего апогея, когда я нахожу нож в гримёрной Джеймса Моргана. Но тут весь план рушится – мисс Бьянка Руссо предоставляет Джеймсу железное алиби. Кстати говоря, мистер Ортега, вам бы следовало тщательнее стирать отпечатки пальцев с оружия убийства. Так вот, Луис Ортега понимает, что нужно найти другого козла отпущения. И им оказывается мистер Питерс. Всё так же угрожая убить мисс Мориси, Луис Ортега приказывает ему убить Джеймса Моргана. У Уильяма нет выбора, но он думает, что, если погибнет сам, Ортега не тронет Роуз. К счастью, попытка суицида осталась лишь попыткой, но теперь он обязан подчиниться и убить мистера Моргана. А зная, с кем имею дело, я подозревал, что убийство произойдёт прямо во время спектакля. К счастью, его удалось предотвратить.

Фокс победоносно смотрел на Луиса Ортега. Но вместо того, чтобы что-то отрицать, режиссёр внезапно заплотиро-

вал:

– Bravo, мистер Фокс. Вы и правда величайший сыщик.
Ну что ж, мой спектакль окончен, – он взглянул на стоящих
рядом полицейских. – Мой занавес пал...